

Болонев Ф.Ф.

Старообрядцы Алтая и Забайкалья

опыт сравнительной
характеристики

Российская Академия наук, Сибирское отделение
Институт Археологии и Этнографии
Петровская Академия наук и искусств
Новосибирское отделение

Ф.Ф. Болонев

**Старообрядцы
Алтая и Забайкалья**

опыт сравнительной характеристики

Барнаул 2001

Богонов Ф.Ф.

Б794 Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. Изд. 2-е, исправленное. Барнаул: Изд-во БЮИ, 2001. — 51с.

Эта маленькая книжка — первый опыт сравнительного изучения традиционной культуры и быта старообрядцев Алтая и Забайкалья. Ее автор, доктор исторических наук, известный в России и за рубежом исследователь старообрядчества Сибири, прежде всего — семейских, старообрядцев Забайкалья. Автор предпринимает первую попытку выявления общих и особенных черт культуры, присущих этим этноконфессиональным группам. Работа написана на основе архивных и полевых материалов с широким привлечением специальной, этнографической литературы, иллюстрирована редкими фотодокументами. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Богонов Ф.Ф., 2001 г.
© Баумстрот В.Э., оформление, оригинал-макет 2001 г.

На обложке:

И.М. Выпьянов, с. Десятниково Тарбагатайского района. Бурятия.
Женщина в старообрядческом костюме, дополненном головным убором — кокошником-наколеником*. Алтай. Фото А.М. Фаддеева. Из кол-лекции Е.Ф. Фуровой.

СТАРООБРЯДЦЫ — СТАРОЖИЛЫ АЛТАЯ И ЗАБАЙКАЛья:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ИХ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

*Мы должны быть благодарны старо-
обрядчеству за то, в первую очередь, что
на добрых три столетия оно продержало
Русь в ее обычаях, верованиях, обрядах,
песне, характере, устоях и лице. Эта
служба, быть может, не меньше, чем за-
щита Отечества на поле брани.*

В. Распутин

Среди русских старожилов Сибири заметны группы старообрядцев Алтая и Забайкалья: полики, кержаки, бухтарминские «каменники», семейские. Этим конфессиональным группам уделено в науке большое внимание. Колоритность и самобытность их типов, своеобразие их культуры и быта выделяли эти группы из общей среды русского населения Сибири и были привлекательны для исследователей. Литература, посвященная их истории, этнографии, составит значительный список. Им посвятили свои труды многие ученые и путешественники. Приведу весьма неполный перечень авторов, чьи работы получили наибольшее признание в науке. По алтайским староверам отметили работы С.И. Гуляева, А. Принца, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, Д.Н. Беликова, М. Швецовой, Б. Терсимова, Г.Д. Пребенникова, А. Новоселова, Е.Э. Бломквист, Н.П. Гринковой, Ю.С. Булыгина, Н.Н. Покровского, Т.С. Максим, А.А. Лебедевой, В.А. Липинский, А.В. Сафьяновой, Л.М. Русаковой, Е.Ф. Фуровой; по семейским — работы П.С. Палласа, А. Маргоса, С.В. Максимова, П.А. Ровинского, Н. Ушакова, Ю.Д. Талько-Дрынецевича, Г. Осокина, А.М. Селищева, А.М. Поповой, А.А. Лебедевой, Г.С. Масловой, Г.И. Охрименко, Н.С. Полищук, Ф.Ф. Богонова, В.Ф. Любонова, М.М. Шмуглевича и других.

При таком обилии перечисленных имен каждая из этих старообрядческих этнографических групп изучалась в отдельности, сама по себе. Вопросы взаимодействия, взаимовлияния этих групп и устойчивости их традиционных форм жизнеобеспечения при взаимной внутриобщинной поддержке в этнографической литературе почти не рассматривались; интерес представляет и вопрос об изменчивости и стабильности традиций в отдельных локальных этноконфессиональных группах русского народа на восточных окраинах России. В сравнительном историко-этнографическом плане состояние и эволюционное развитие их культуры и быта пока еще не было проанализировано. Опираясь на известный нам фонд накопленного и опубликованного материала о старообрядцах этих двух сибирских регионов, мы сделаем попытку найти как общее, так и особенное в их наиболее

важных элементов культуры. Приведем также новые материалы, извлеченные из архивов Сибири о старообрядцах Алтая, относящиеся к 60-м гг. XVIII в.

Известно, что культура, быт, верования, особенности жизнедеятельности уклада названных групп были обусловлены общностью их исторических судеб. В частности, поляки Агтая и семейские Забайкалья имеют единое происхождение и известную долю общих предков. Общими являются их этноконфессиональная принадлежность к старообрядчеству, единство их веры, несмотря на разнообразие толков и толкований, почти одинаковые условия их жизни, как тонких и постоянно находящихсяся в неопытности царских властей и официальной церкви. Преданность старине, вере отцов, стремление сохранить свое лицо, свой быт и культуру приводили эти группы к известной изоляции, а их общинная и культурная жизнь отличалась некоторой консервативностью. Все это помогло им сохранить этническое своеобразие, колорит, свойственные русскому народу в донетровское время.

Старообрядцы в истории России представляли ее коренное развитие, основанное на принципах особой прочности, на фундаменте веры и преданности заветам предков, благодаря чему они не приняли петровские реформы, не сложились во время гонений на них в царствование Николая I. Получив Указ о веротерпимости 17 апреля 1905 г. и свободу вероисповедания, старообрядческие общины получили дальнейшее развитие. По предположительным данным В.М. Миловинова, старообрядцев в начале XX в. могло быть 5-10 миллионов человек. По другим источникам, староверы составляли 10% населения России. Это была заметная сила, с которой считались и светские, и церковные власти.

Трудовая солидарность, социальная сплоченность, строгая мораль и независимость старообрядцев, получавших финансовую поддержку со стороны богатеев-капиталистов, выросших из старообрядчества, были притягательны для многих православных. Это поднимало авторитет старообрядчества не только в пределах Российской империи. Устойчивее и даже ставшее процветать в царское время, старообрядчество потерпело страшный урон в годы советской власти. Большевикам не нужны были крепкие хозяева на селе и предприниматели в городе. И в результате богоборческого разгрома основной удар был нанесен по этим людям. Большевистские репрессии привели невиданные в России формы. И с особой силой они обрушились на старообрядцев: были разрушены их церкви, часовни, молитвенные дома, крепкое хозяйство, их был и социальные связи. Это то, благодаря чему старообрядцы выжили во всех странах, куда их забрасывала судьба.

Приверженность к старой вере, старым обрядам, к заветам предков была закреплена целой системой запретов, которые строго регламентировали их быт, религиозные верования, семейные и общественные отношения.

Учитывая все это, мы попытаемся раскрыть генетические связи, существующие у старообрядцев Алтая и Забайкалья, общность культурно-бытовых явлений и религиозных воззрений, свойственных русским этих регионов, расположенных в двух природно-климатических зонах и чем-то сходных между собой. Важно отметить своеобразные межэтнические отношения, которые установились у них с проживающими в этих краях аборигенами. О значительном влиянии старообрядцев в этих сибирских местностях свидетельствуют многие источники. Томская губерния уже в первой трети XVIII в. представляла собою местность, где, по выражению сибирского митрополита Антония, «дно раскольниковства обретається» [2, с. 15]. В 1828 г. Тобольский архиепископ писал: «...весь Барнаульский край от Кузнецка до Семипалатинска преисполнен раскольниками и полураскольниками...» [2, с. 27].

Нижегородский епископ Питирим свидетельствовал, что из женских лесов староверы уходили преимущественно в сибирские области, и мы понимаем отсюда, почему и доселе в Сибири раскольники зовут «кержаком» и даже единичную церковь в Томске называют «кержацкою» [3, с. 23].

В 60-е гг. XVIII в. старообрядцы в Забайкалье были поселены семьями большой компактной группой, которая со временем получила название «семейские» [4]. Эти группы, выселенные в Сибирь из пределов европейской части России, Белоруссии и Украины, образовали здесь локальные этноконфессиональные общины со своеобразным культурно-бытовым укладом. На эти особенности различных групп русского народа неоднократно указывали исследователи В.А. Александров, М.М. Троячко, Л.М. Сабурова, И.В. Власова, говоря о теоретико-методологическом подходе к изучению подобных групп в европейской части России и в Сибири.

М.М. Троячко, изучая вопросы общественного сознания сибиряков, в частности, писал: «У бухтарминских «каменщиков» сложился совершенно особый жизненный уклад со своим обычным правом, своими этническими нормами, вкусами, обрядами и традициями. Здесь наслаивались и общинные традиции, и раскольничьи установления, и специфическое положение людей, поставленных вне закона, скрывавшихся, изолированных от общества, спавших общей опасностью, самотельно строящих свои отношения» [5, с. 128]. Такой особый культурно-бытовой уклад она отмечает и у семейских Забайкалья [5]. Весь социально-бытовой, духовно-нравственный опыт старообрядцев настолько велик, настолько значителен, что он еще до сих пор как следует не освоен, не взят на вооружение, и у разных ученых он вызывает различные оценки. Одни все деяния староверов оценивают крайне негативно (консерваторы, хранители зашкварных форм жизни, темной старины, годной только на свалку истории, люди, не подчиняющиеся государству и официальной церкви). Для других — это хранители русской старины, крепости русского духа, лучшие земледельцы,

предприниматели, рачительные хозяева, пионеры освоения новых земель и территорий на окраинах России или на спорных территориях или даже на территориях других государств, которые вскоре после поселения на них старообрядцев становились русскими землями, «нашенскими» городами (Бухтарма, Владивосток).

Случалось и так. Большинство исследователей, путешественников с восхищением описывали материальные достижения старообрядцев, полученные благодаря их изумительному трудолюбию, хозяйственной сметливости и образу жизни, но порицали их за духовную самостельность и непримиримость с официальной церковью, с властями, за консерватизм, за преданность старине — все это рассматривалось как тормоз, как движение назад, как некий застой. Хотя в действительности ничего подобного в старообрядческом обществе не наблюдалось.

Л.М. Сабурова, изучая культуру и быт русского населения Приангарья, пришла к замечательному выводу, что «культура русского населения Сибири складывалась из разнородных элементов, которые с течением времени синтезировались в единое целое. В дальнейшем развитие культуры русского сибирского населения шло своим путем: укреплялись отдельные традиционные черты и под влиянием местных условий вырабатывались новые особенности, они дополняли традиционные и сочетались с ними различными образом» [6, с. 273-274].

Наиболее значительный вклад в сложное сравнительно-историческое изучение судеб русской народной культуры в разных регионах Сибири внес В.А. Александров. Свой взгляд на изучение отдельных черт традиционной культуры он отразил в ряде глубоких по анализу изучаемого материала монографий и статей [7].

В.А. Александров справедливо писал: «У каждого, особенно крупного народа, населяющего значительную территорию, под влиянием целого ряда конкретных условий в рамках единой национальной культуры существуют локальные областные особенности» [8, с. 7].

Он же заострил вопрос о сопоставлении материалов, полученных при изучении русских Сибири, с данными по европейской части страны. Это дает возможность проследить бытование общерусских черт традиционной культуры и выявить закономерности их развития на новых территориях [8, с. 17].

Наша задача — сопоставить локальные особенности отдельных или основных элементов культуры родственных этноконфессиональных групп русского народа, проживавших в разных районах Сибири, обратив внимание на общность их культуры и на отличия, появившиеся в зависимости от местных природно-климатических, социальных, экологических и политических условий и в результате влияния окружающих аборигенных народов.

Вопрос об общности и об особенностях русской народной культуры на основной территории европейской части России был поставлен еще в 1950-е гг. «Рассматривая развитие народных традиций в контексте с общей историей России, ученые установили наличие до-

кальных вариантов, появление которых определялось конкретными природными условиями и историческими ситуациями» [9, с. 6]. Этнографические исследования русских Сибири начались значительно позже. Этнографами Москвы и Ленинграда была проделана большая подготовительная работа для комплексного историко-этнографического изучения русского населения Сибири. Чтобы правильно понять и представить степень изученности, проследить развитие научной мысли и определить наличие «белых пятен», они подробно рассмотрели историографию материальной культуры русских Сибири [10]. Но даже при рассмотрении материальной культуры русских Сибири много устаревших в теоретическом плане или ошибочных положений, отдельные элементы народной культуры были недостаточно освещены, а русские отдельные регионы Сибири были слабо изучены. В частности, можно сказать, что до сих пор мы не имели опыта сравнительного изучения отдельных этноконфессиональных групп русского народа, имеющих одну историческую судьбу, но поселенных в различных географических местах, в разных природо-климатических зонах и проживающих в соседстве с разными сибирскими коренными народами.

Подобное изучение позволяет проследить процесс перенесения традиций переселенцами в Сибирь, их адаптацию к новым условиям и создание всего комплекса жизнеобеспечения на новом месте жительства. Изучая процессы миграции групп русского народа в Сибирь, В.А. Александров и В.А. Липинская выявили очень существенную закономерность. Адаптация при освоении отдельных эколого-природных ниш протекала успешнее и интенсивнее там, где селились мигранты из сходных по экологическим условиям местностей [11, с. 65–70].

Одним из первых ученых, кто оставил интересные описания «выведенцев из Польши», был П.С. Паллас. Он наблюдал их в самом начале их поселения на Алтае и в Забайкалье. Алтайских староверов-«поляков» он исследовал в 1770 г., а забайкальских — в 1772 г. Тех и других он именует одинаково: «польскими поселенцами», «трудобивыми», «поляками», «польскими колонистами», «поляками», «новопоселенными поляками», «...кон российско проишествия, говорят языком русским и исповедуют древнегреческий закон; притоки их поселились в Подольи и в прочих Подольи пограничных областях. Оным поселенцам можно в честь поставить, что они весьма рачительные и добрые земледельцы; но только они к здешней, ради жестоких морозов и господствующих в оной сильных вихрей еще не привыкли, да также земля их не очень для хлебопашества выгодна, ибо хлеб у них на каменных и сухих возвышениях родится колосист, а бодота в их месте кажется быть солоноватой. Они желают завести здесь и прекрасные огороды и пчеловодство, каковые они имели у себя в прежних своих теплых жилищах» [12, с. 211–212, 217]. Эти слова посвящены поселившимся из польских пределов русским старообрядцам на Алтае. Почти подобное П.С. Паллас уви-

дел и в Забайкалье, где климатические и природные условия во многом были сходны с условиями Алтая. Академик Паллас писал: «...Селентинская страна и другие в рассуждении их обширности никогда не могут столь быть многолюдны и хлебом обильны как другие сибирские места не слишком к северу близкие, при том везде сверх крутых гор по долинам и косогорам весьма каменисты или чрезвычайно песчаны. Так что кроме кочующих народов, каковы бураты и тунгусы, никакому другому тут жить не можно» [13, с. 222, 225, 226, 381]. Но в данном случае Паллас ошибся. В разных селениях Забайкалья и Алтая, несмотря на суровые природные условия по сравнению с местами их бывшего местожительства в европейской части России, и в Польше тоже были места, мало пригодные для хлебопашества, но и встречались почвы весьма плодородные. На Алтае, например, он отмечает, что в деревне Старо-Алтейской 150 дворов, и большая часть жителей «есть польские поселенцы», а «хлеба там выторали», но успели запастись озимовым хлебом старообрядцы дер. Екатерининской, а в Улабинской деревне Содре, на Боровской заците, построена большая деревня, населенная польскими поселенцами, которые нашли здесь жирную плодородную землю, прекрасные луга и сенокосы [14, с. 222, 271–272].

Более подробно, иногда весьма дотошно, описывает Паллас поселения и занятия старообрядцев-«поляков» в Забайкалье, постоянно подчеркивая и отмечая их трудолюбие и настойчивость в развитии хлебопашества. Вот что он пишет о «польских колонистах», поселенных в деревне Куйтун в количестве 44 дворов, где до них проживали 30 дворов старожилов. Выведенные из Подольи колонисты «по лесистым горам без малого труда и прилежания, но и не без желанного успеха расширяются. Они имеют довольно хлебопашество (это достигнуто через 6 лет после их поселения в этих местах — Ф.Б.), а жалуются только, что по подержанным сенокосам немного для скота травы родится, которых напротив того они уже довольно развелись...» [15, с. 225–226].

Далее Паллас сообщает об опыте новопоселенных земледельцев по акклиматизации культурных растений: «Сие место чрезвычайно холдно то на льду ни коноплей ни гречухи и гороху ни пшеницы никогда не родится, хотя трудолюбивые поляки всего сего сеять не уступали и много раз к новому посеву вновь закупали. Ныне им родано Сибирское трехпшное семя, коего у расположении оне все силы употребляют. Однако на низких местах и то не родится, потому что по Куйтуну осенью очень рано великие случаются туманы и иньи, а весною земля в долинах растаивает очень поздно; и так все, кроме ярового и зимового по низким местам померзает, а только что которые места повыше, на тех и урожай бывает, если при том довольно часто случаются сущи не лишит земледельца последние надежды» [15, с. 225–226]. «Навозить здесь по горам вовсе не годится. Поляки пытали оное на оставленных пашнях, но весь посев сожгется» [15,

с. 228]. Небезынтересны сведения Палласа об использовании и усовершенствовании применительно к местным условиям и такого важного сельскохозяйственного орудия, как плуг, который плугут «гораздо глубже и лучше коренныя подсекают, нежели русского сохою» [15, с. 226-227]. Это было одно из первых сообщений о применении плуга в сибирских условиях.

Восдвельвание почвы плугом в это же время отмечено и у полков Алтая.

О хлебопашестве старообрядцев за Байкалом восхитенно отзывался и А. Мартос. Он пишет, что оно достигло «высочайшей степени совершенства. Многие ораги засевают хлеба по сту десятин. Рожь родится сам-десять, яровой хлеб обыкновенно двадцать зерен. Сверх того местные жители отважные и прилежнейшие охотники, бьют сохатых (лосей), зубрей, диких коз, медведей, волков, лисиц и зайцов» [16, с. 110-116].

Многие исследователи и путешественники сообщают об их пашнях, расположенных в горах. М. Геденштром о старообрядцах пишет следующее: «Вышедши тогда селентинский обер-комендант поручил одному майору отвести им под поселения земли. Сей, по ревности своей к православию, невидя их отвел им леса и горы, предполагая усугубить их нещастие. Но благое провидение, неправедное усердие его обратило в пользу старообрядцев: с несказанным трудом расчистили густые леса, и приобретенные пашни вознаградил их с лихвою... Лучшие пашни их расположены по высоким горам и к некоторым из них можно достигнуть с трудом по крутой узкой тропе [17, с. 60-63]. Об этом же свидетельствовали и декабристы [18, с. 97-98].

Общее в исторической судьбе двух этноконфессиональных групп — «полюков» Алтая и «семейских» Забайкалья — началось с их переселения в эти районы Сибири. Одни и те же причины побуждали российское правительство сначала призвать беглых русских людей добровольно вернуться из пределов Польши в Россию и поселиться в отведенные им новые места жительства; а после их нежелания возвращаться добровольно правительство Екатерины II предпринимает насильственные меры и с помощью военных полков выводит с территории Белоруссии и Украины, временно принадлежавшим в то время Речи Посполитой, этих дюжих русских людей, в большей своей части принадлежавших к старообрядчеству. Вывели их целыми семьями. Возможно, впервые в Сибирь были сосланы большие группы русских людей, в которых количество мужчин и женщин было почти равным, в дальнейшем это обеспечило этим группам большой естественный прирост населения как в этническом (без большой метисации), так и в профессиональном плане (принадлежность к старой вере).

Рост горнозаводской промышленности на Алтае и в Забайкалье, наличие здесь регулярных войск требовали развития хлебопашества в этих краях. Вблизи заводов необходимо было поселить достаточное количество крестьян-землепашцев, которые могли бы производить

достаточное количество хлеба как для собственного потребления, так и для нужд горнозаводского и военного населения регулярных войск, а также для расположенного в этих краях казачества; казаки тоже мало производили хлеба, а горнозаводские рабочие мелкотоварных, серботорговых и железнодорожных заводов фактически не имели времени заниматься земледелием.

Правительство Екатерины II усмотрело в старообрядцах прекращенных колонистов, которые смогут производить хлеб и другие сельскохозяйственные продукты там, где их не хватает. Они исходные земледельцы, предприимчивы, трудолюбивы, трезвы, отличные общинники — да и на западных границах без них спокойнее. Поэтому возложить на них задачу развития земледелия на Алтае, в Барабе и Забайкалье было просто необходимо.

Власти законодательными мерами старались стимулировать возвращение старообрядцев из-за рубежа. Особую роль в этом сыграли царские и синодальные манифесты и указы от 16 октября, 4 и 14 декабря 1762 г., в которых предписывалось защищать раскольников от всяческих угнетений, не настаивать на ношении специального платья и бритье бород. Все эти предписывавшие переселению законодательные акты царского правительства рассмотрены и проанализированы в работах М. Швецовой и Н. Н. Покровского [19].

Это была предварительная законодательная работа, но за нею последовали вполне практические шаги: была осуществлена одна из очередных «вытонок», когда старообрядцев стали насильно переселять из Забайкалья в Сибирь. Особенно заметен был приток староверов в Сибирь в начале и середине 60-х гг. XVIII в., когда из польских пределов сюда были приведены под конвоем большие группы русских беглых людей, в основном последователей древнего благочестия. В Центральном государственном архиве древних актов (г. Москва) в фондах Верхотурской воеводской канцелярии доктором исторических наук Н. А. Миненко и автором этих строк найдены новые документы, проливающие свет на картину переселения этих старообрядцев. Они свидетельствуют, что с 5 октября 1764 г. по конец ноября 1765 г. через Верхотурье было проведено 15 партий с поименными в Польше российскими беглецами, общая численность которых составила более 4 тысяч человек. Их вели под конвоем солдат и офицеры Сибирского корпуса, а также Тенинского и Воронежского пехотных полков. Захваченные генерал-майором Масловым в районах рек Сожи, Днепра, Днестра, Буга, а также городов Гомеля, Бердичева, Горохова, Винницы, Межибежа, Слобода Ветки, староверы двинулись в Сибирь по маршруту из пределов современной Украины и Белоруссии на Калугу, отсюда водным путем до Казани, где «за худобой судна» были разделены. 8 партий были отправлены до Казани на Екатеринбург, на более южную дорогу, ведущую в Сибирь. Возможно, эти партии и были отправлены на поселение на Алтай. Остальные 15 партий направлялись до Солонкамска и Верхотурья, а

оттуда были отправлены в Тобольск и Туринск [20, с. 38-47]. В значительном числе партий находилось по 200-250 человек вместе с женщинами и детьми. Женщинам и детям до 15 лет платили половину провианта. Во всех партиях насчитывалось более 4 тысяч, а «конвоем до тысячи человек» [21], то есть на каждые четыре человека приходился один конвой или солдат.

В Тобольске из наиболее молодых и крепких, годных к военной службе староверов были сформированы 2 полки: Томский и Селентинский. Томский полк был расквартирован со штаб-квартирой в Усть-Каменогорской крепости, а Селентинский — в г. Селентинске, за Байкалом. Оставшиеся или не годные к военной службе были поселены в разных местах Сибири (в Бардинской степи, на Алтае в бассейнах рек Убе, Ульбе, Глубокой, Березовки и Атея) и за Байкалом в Селентинской Давурии по притокам реки Селенти (Хилку, Чикю, Уде, Куйтуну). Надо отметить, что уже в пути в Сибирь эти люди получили название «поляки», а затем в местах нового поселения за ними надолго закрепилось это название. Правда, в Забайкалье «новопоселенцы» не поляки, вывезенные из выпеняванных мест и поселенные там целыми семьями, в отличие от одиночных ссыльных, получили название «семежские»; словом, этот этноним произведен от слова «семья». На Алтае и в Восточном Казахстане их ближайшие родственники до сих пор называются «поляками». В Западной Сибири общее название староверов — «кержаки». В этом, несомненно, закреплено название одного из центров старообрядчества — реки Керженец Нижегородской губернии: выходцы из тех мест, пробравшиеся в Сибирь от преследований, были названы «кержаками». На Урале и на Алтае староверов называют «двоедланми». Они за принадлежность к старообрядчеству платили двойную дань (налог).

Таким образом, «стремление правительства вернуть бежавших в Польшу старообрядцев даго свои плоды», в результате этих переселений в Сибирь возникли два новых крупных очага (центра) раскола. В Забайкалье эти партии прибыли в 1765-1768 гг. и были расселены в 30 деревнях, общим числом около 5 тыс. человек. На Алтай переселенцы прибыли в июле 1766 г. [22, с. 313] Н.А. Миненко считает, что это был заключительный этап, «крайний, а не начальный этап их поселения». Еще до этого года, а точнее, в 1763-1764 гг. «поляки» определено жили в бассейне Атея [23, с. 199-200]. Старообрядцы, выселенные из Польши, были поселены в Забайкалье и на Алтае на правах государственных крестьян, а не на правах ссыльных. Часть из них поселилась в ранее существовавших деревнях (Шемонихе, Екатерининской), большинство переселенцев образовало новые деревни: Секиовскую, Бобровскую, Верх-Убинскую. Крупнейшим центром «поляков» стала деревня Староделейская. Вскоре из этих первых поселений выделились новые: Большая Речка, Выструха (1799), Малая Убинка (1787), Черемшанка (1799) [22, с. 313]. По подсчетам Н.Н. Покровского, «полторы тысячи пере-

селенцев составили яркое и заметное пятно на этнографической карте Алтая» [22, с. 315]. Новые земли осваивали с большим трудом. М. Швецова записала в с. Лосиха следующее воспоминание: «Раньше трудно жить было. Крутой лес, звери всякие плодились. На пашню едешь с ружьем. Лес огромный — топор не берет. Каждый кусок земли чистить да корчевать приходилось... А народу у нас мало было, сил-то и не хватало — ну и разбегались по разным местам, где попригодней» [24, с. 12]. Эти признанные хлебопашцы, поселенные на плодородной земле, благодаря своему трудолюбию, хозяйственной смекалке и земледельческому опыту, вынесенному из прежних мест жительства, быстро смогли встать на ноги, развить хозяйственную деятельность. Вряд потраченных сибирских войск Г. Беренс писал: «Сии честные трудолюбивые земледельцы приобрели здесь то счастье, которого достойны. Они наделены плодородною землею с надлежащим количеством лугов, лесу и воды... Весною 1776 г. нашел я селения Бобровское и Секиовское по причине благоуспешного земледелия, очень в хорошем состоянии... Подвезжая к одному из сих селений в самое лучшее время года, за несколько верст от него, с удовольствием смотрел я на необоримые поля, простиравшиеся по обеим сторонам дороги... Попадавшиеся мне тогда навстречу здоровые, сильные и опрятно одетые земледельцы, числом до 200 человек, следовавшие за тяжелыми плугами, запряженными в две и в четыре лошади, пели радостные песни...» [25, с. 27-29]. Почти аналогичные отзывы мы находим и у авторов очевидцев, которые побывали и у семейских Забайкалья. Вспомним свидетельство П.С. Палласа о плуге, А. Маркса об их достатке и «веселом нраве». Словом, население «поляков» разрасталось в основном за счет естественного прироста. К концу XIX в. в пяти волостях Змеиногорского округа было 21 «польское» селение [26, с. 149].

Исследователей поражала и удивляла способность колониста быстро ориентироваться в необычной природной обстановке, в новых, доселе неведомых условиях и успешно осваивать даже торный край. Как это русский крестьянин, привыкший к мягкому климату, к равнинным сельскохозяйственным угодьям, поселившийся в горах (в щелях), мог устраивать хлебопашество, развивать хозяйство, вырабатывать новые привычки и навыки, казалось бы, в совсем неподходящих для него условиях? А в горах на Бухтурме оказывались и начинали жить и старообрядцы, переселенные из Подолы, и беглые крестьяне, и мастеровые, и переселенцы из Пермской губернии, часто не знавшие тор, выросшие на равнинах. Н.М. Ядринцев видел «кавалкады всадников, несшиеся в долинах, подобно кавалеристам, и карабкавшиеся по кручам на торных конях» [27, с. 27]. Это писалось о староверах Алтая. Это же можно сказать и о семейских, поселенных в горах Западного Забайкалья в отрогах Хамар-Дабана или на Чикое.

Старообрядцы реки Чинкой. Молодежь на гужовых нае. XX в.

Каким же образом устраивалось и развивалось земледелие — основное занятие русских крестьян в Алтайском крае и в Забайкалье? Кроме того опыта, который был вынесен из различных мест европейской части России, крестьяне в новых условиях начинают осваивать гористую местность и местные ирригационные устройства (каналы, арыки) как прежде непривычное для крестьян дело. В Забайкалье русские крестьяне, например, воспринимали так называемыми «баргутскими канавками», древними ирригационными сооружениями, когда-то здесь обитавших народов. То же самое сделали и крестьяне, поселившиеся на Алтае. Вот что об этом читаем у одного из авторов, который сообщает о наличии на Алтае проведенных каналов и арыков для орошения полей: «... многие крестьяне воспринимались древними инородческими канавками. В некоторых деревнях крестьяне сеяли хлеб на высоте 4 тысячи футов. Покося бывали в таких ущельях, что сею приходилось вывозить верхом, связывая веревками в охапки. И тем не менее крестьяне облюбовали эти места за девственную почву... Благоухать, чернотой в вершках глубины» [27, с. 27].

О возделывании земли забайкальскими старообрядцами и обзаведении пашнями высоко в горах, куда орудия труда (сохи, бороны) завозили верхом на лошади и пахали в одну борозду, писали декабристы [18, с. 98].

Доходной отраслью хозяйства алтайских крестьян-старообрядов было мараловодство. «В конце деревни маральник, где приручаются благородные олени... Приручение марала было культурным изобретением

наших крестьян», — отмечает Н.М. Яринцев [27, с. 28].

Маральи рога как алтайские, так и забайкальские крестьяне-старообряды сбывали в Китай. Китайцы на Алтае платили за один целый рог от 50 до 100 руб. [28, с. 89]. В Забайкалье сбывали панты китайцам по 4-8 руб. за фунт [29, с. 13-16]. В этом крае мараловодством занимались в основном русские крестьяне-старообрядцы. «Всего по Верхнеудинскому округу, — пишет Н.В. Кириллов, — можно считать не менее 600 маралов, приносящих годового дохода около 25-30 тыс. рублей» [29, с. 13-16].

Тамара Кононова в старинной одежде, с Фомичево Красноярского района. Фото автора 1971 г.

Бурятские женщины. 20-е гг. XX в. Из архива Читинского музея.

О трудолюбии семейных, об их силе, выносливости и физической и духовной крепости писали почти все авторы, побывавшие у этой группы русского населения за Байкалом. Исправник В.В. Глуховцев отметил: «О физическом же разлитии женщин и девушек можно судить по той легкости, с какой они носят пятипудовые кули с мукой и моют наравне с любым мужчиной. В здоровом теле — здоровый дух. Ни на ком не оправдывается эта поговорка бодее, как на наших семейных» [30]. Другой автор вторит: «О здоровом сложении старообрядцев можно заключить из того, что скупав несколько кусков свиного сала, они выпивают ковш холодной воды или кваса и с ними не бывает курьезных последствий» [31].

Декабрист А.Е. Рожен тоже отметил, что старообрядцы (семейские) «... народ сильный и здоровый. Они поддерживают

Костопривка матушка Белова. 20-е гг. XX в. Из архива Читинского музея.

свою крепость, свое здоровье прилежным трудом и здоровым питанием [32, с. 253]. В начале XX в. исследователи Г.М. Осокин тоже отметил: «Бедя более правильную жизнь, не злоупотребляя вином, табаком, распутом, семейские дали краю крепкий, здоровый, сильный и красивый тип населения» [33, с. 65]. Естественный прирост населения у семейских был в отдельные годы в 5 раз выше, чем у остальных групп населения в Забайкалье. Семейские женщины рожали от 10 до 24 детей.

Как видим, многие, побывавшие в общинах староверов на Алтае, Бухтарме и в Забайкалье, отмечают их здоровье, силу, ростость, выносливость и быстрый прирост населения. Приведу только несколько примеров. Н.М. Яринцев о бухтарминцах пишет: «Народ в этих общинах отмечался ростостью, здоровьем и замечательной силой. В Алтайке мы видели девушку аршин в плечах, поднимавшую 12 пудов. Мужчины силачи также не редкость» [27, 46].

А вот другой очевидец, долго живший в Забайкалье и примерно в это же время, что и Н.М. Яринцев, посетивший Алтай и Бухтарму, автор редкой книги восклицает: «Что за красавцы, что за богатыри!... Мало того, что красивых мужчин очень много, — они к тому же весьма крупный, сильный народ. Я встречал даже женщин и не особенно редко, вершков 8-8,5 и более росту¹. Стрижки же бывали такие красивые, сановитые, что прямо

просятся на полотно. Они могли бы послужить отличными напудривками для библейских сюжетов» [34, с. 41, 42, 44].

В Бичуре он прожил 2 месяца на квартире «завятого семейского почтенного старика, отца 8 сыновей, из коих каждый был бы годен в тардеевские правдолюбивые» [34, 43]. «Места здесь хороши, хлеба родятся отлично. В Селенте много рыбы, а по Чикюю зверя довольно. Впрочем, по пословице: «На Бога надейся, а сам не плошай». — Семейские рук не покладывают, а работают, по признанию их же современников, старожилов, за питевых каждый и потому, сравнительно со своими соседями русскими и бурятами, являются богачами» [34, 43]. Много общего мы находим и в одежде этих групп.

Степан Гуляев, говоря об одежде алтайских каменщиков, писал, что у жен каменщиков сарафаны китайские, бахтовые выбойчатые и шелковые. На голове носят повойник, а некоторые кички или напудривки из цветной, шелковой или бумажной материи; иногда сверху них повязывают золотополые (затканые серебряною или золотом канителью) и ... на шею ожерелок [35, с. 130]. Как видим из перечисленных выше предметов одежды, многие из них изготовлены из покупной материи. Но, вероятно, были отдельные виды одежды, изготовленные из материалов домашнего производства, как это мы находили в одежде семейских. Вот как описывает одежду семейских один из наблюдателей очевидцев-миссионеров. Он отмечает некоторые сохранившиеся у семейских старинные формы одежды, относившиеся ко времени царства Московского: «Как мужчины, так и женщины, носят суконный кафтан, который называется шинелью (точнее, называют словом «шамель»), а поверх — озем, нанковый халат; для постоянного носки служат куртки и шойдонник — короткий кафтан из сукна собственного изделия; головным убором у мужчин служат войлочная шапка, называемая копаком, также четырехугольная шапка и чабак — шапка с напудривками; обувью служат парники или маризны (возможно, это опечатка — есть вид обуви, называемой морщины. — Ф.Б.), имеющие вид башмаков без подшав (?)» [36, с. 224]. (вернее, на мягкой подошве. — Ф.Б.).

Женщины до замужества носят в виде головного убора повязку с расами, то есть с нитками, напудривками бусами; у замужних важную часть костюма составляет кичка, имеющая вид кокошника; затем необходимой принадлежностью как замужних, так и девиц служат различные монисты, чирки с подборами — на ногах и колыда, перстни на руках» [36, с. 224А].

А вот колоритное описание старообрядцев дер. Беклемшевецкой, расположенной у подножья Яблоновского хребта (ныне территория Читинской области). Автор путешествовал в тех краях в 1896 г. Село это было основано, судя по фамилиям, выходцами из семейских сел (Бурнашево, Десятниково, Тарбугата, Кукутна и др.) примерно в 1850 г. и было названо в честь молодого исправника Ф.А. Беклемшева [20, с. 63-64], который приложил старания к за-

¹ В XIX в. считали, что человек не бывает ниже 2 аршин и авторы при описании этих аршин опускали, укаывая только количество вершков. Следовательно, в данном примере рост семейских женщин равен 2 аршину и 8-8,5 вершкам (1 аршин — 0,7 м, 1 вершок — 0,044 м.).

К.Т. Черепанова (1899 г.р.) в свадебной одежде (с. Сибирячиха Салонненского района Алтайского края). Одежда изготовлена в 1916 г. Из коллекции Л.М. Русаковой.

вить. На принисках семейские ходят в высоких сапогах и блузах, подпоясанных красными шарфами. Дома наряжаются в плюсовые кафтаны и меховые шапки, поднятые к тулье поля которых сзади связаны яркими лентами, бантом. Когда молодежь на Масленице устраивает катанье, говорят, можно заглядеться. В каждые сани садятся по нескольку, один живописно лежит, другие обнявшись стоят, и так веренища мчатся из конца в конец села.

Бабы — образцы чистоплотности и опрятности, ходят в старинных сарафанах и с кокошниками и шляпками на голове. В будни на голове чалма из большого платка, несколько сдвинутая на затылок, с большим ушлом над лбом. Эта чалма, вероятно, вынесена из Польши. В XV в. чалму носили польские дамы высших классов. Таковую чалму вы можете встретить и теперь.

селенно этого села. Пу-

тешественник писал: «Это идеально чистокровные великорусы... Великолепные люди громадного роста, сухощавые, плечистые с большой головой, горбатыми носами, небольшими пронизательными серыми или большими огненными черными глазами. Движения нервные, порывистые, но ловкие... Мужики в последнее время излюбили работу на золотых принисках, и там «семейский», обладающий лошадиной силой, работает за троих обыкновенных смертных. Когда он ломает замерзшую землю когосальным железным ломом, говорят, даже жутко на него смотреть. Семейских, однако, на принисках побиваются. Их не прижмешь: сейчас чудовищные лопы в руки и «сурезный разговор». Иной раз просто с пьяна начнут шуметь. Поди-ка усмири их: против каждого надо четверых поставить.

в каком-нибудь очень глухом еврейском местечке на самой старой жилковке. Среди семейских в Забайкалье чалма — неприменный головной убор староверов. Великолепные люди, архангелские, сохранившие и наружность, и темперамент, и характер, и костюмы в том виде, какими они были на Руси десяти лет тому назад» [37, с. 167-168]. Восхищенный типами семейских, автор готов был послать туда художников К. Маковского, Неврева, П. Антокольского. В таких же восторженных тонах писал о семейских французский ученый Поль Лаббе в книге «Удм Сибири». Он тоже упоминает о женщинах Вичуры, «которые носили на головах платки в форме больших тюрбанов» [38, с. 150-151].

П.П. Семенов-Тянь-Шанский во время своего путешествия в Тянь-Шань посетил ряд русских селений на Алтае (Шемонаиху, Секировку и др.). Он также отметил вышитые рубашки женщин и своеобразные женские головные уборы, имеющие вид тюрбана [39, с. 61]. В 1895 г. путешествие по Алтаю совершил М.Н. Соболев. Он сообщил, что по р. Убе издавна живут новгородские раскольники, а рядом с ними «булганки». На каждом Алтае автор посетил беспоповцев, молокан и суботников. Он отметил строгость их религиозной жизни. Женщины, когда кончатся полевые работы, начинают праздники. Женщины и девушки в ярких сарафанах носят хороводы; у девушек красные ленты в косах, а женщины с платками на голове, повязанными в виде чалмы; парни — в вышитых сорочках и с бисерными цепочками [40, с. 51-100]. Н.М. Ядринцев посетил старообрядцев Алтая два раза — в 1879 и 1880 гг. Описывая материальную культуру «поляков», он отметил характерные особенности интерьера их жилища — яркую роспись, красочные вышитые кумачные пологония и тканые скатерти. Характерную одежду, он выделяет яркие сарафаны, шитые поучен- том женские кички, бисерные нагатыльники и лебяжьи или утичьи пушки в ушах... у парней и мужчин — вышитые рубашки и вышитые пачки. Эти детали костюма свидетельствуют о жонорусских чертах культуры старообрядческого населения. Костюм старообрядцев был богат и красочен: он удивлял путешественников. Ядринцев пишет: «Костюмы раскольников очень яркие, женщины в ярких сарафанах, на голых платки в виде чалмы, у мужчин есть шапки с красным верхом, парни любят вышитые рубашки, бисерные цепи на воротах, иные обшивают сапоги для щегольства бахромою. У женщины старинные льняные шапки с двумя лентами, излучили от воротника» [27, с. 44]. Н.А. Некрасов о семейской женщине тоже писал в поэме «Дедушка», что «В праздник на ней душегрейка — из соболей воротник».

Вот обычное описание одежды семейской женщины: «Кичка по очелью украшалась пояской — полоской ткани с подвязью из бисера и сезаневыми перышками (они назывались кучери). Коконник, соответствующий праздничный убор, надевался поверх кички, соответствующая ей по форме; шили его с небольшим закругленным очельем. Под затыльник повязывали сзади на кичку под кокошник, шили его из

бархата, парчи, шелка, украшали позументами или вышивали золотой нитью. Кокошник сплошь покрывали узором из серебряной или золотой нити или вышивали, оставляя просветы фона; делали их особые мастерицы... Поверх кокошника покрывался шелковый платок — атлас — или тонкая кашемировая шаль, причем так, чтобы было видно расшитое дно кокошника» [41, с. 53]. Г.С. Маслова считает, что у семейских сохранились древнейшие русские головные уборы. Способ повязывания платков был разный: в селах Улан-Удэнского, Мухор-Шибирского, Вичурского районов тонкая большая шаль (или атлас) повязывалась по кичке в виде чалмы. Нередко дополнительно для тепла надевали платок по подбородку, завязывая концы на затылке. В Читинской области (Урлук, Кочон, Красный Чикой, Новоселки и др.) повязывали небольшой сложенный платок по ошейю кокошника [41, с. 53-54]. Любопытно, что головные уборы русских имеют какую-то древнюю связь с птицами: это сохранилось в их названиях (*кокошник* — от общеславянского кокошь — курица-наседка; *сорока*). Нет сомнения, что головной убор имелapotропейное значение, служил оберегом. В Улан-Уде в краеведческом музее хранится головной убор, сделанный для семейской женщины целиком из шкурки сезеа с перьями. В старообрядческой культуре очень много связано с древними поверьями и религиозными воззрениями и преданностью старине. Все это способствовало сохранению старинных национальных форм костюма. Уже не однажды было отмечено, что одежда семейских, рассмотренная в связи с историей их происхождения, имеет разительное сходство в основных элементах и чертах с одеждой бухтарминских старообрядцев и особенно алтайских староверов, так называемых «поляков», которые, как мы уже отмечали, имеют сходную историческую судьбу.

На общность традиционной культуры старообрядцев разных местностей Сибири могли оказывать влияние не только религиозные воззрения, но и бытовые связи. Так, алтайские «поляки» оказали значительное влияние на бытовую облик бухтарминских «каменщиков» в силу того, что они пришли на реки Убу и Ульбу в 1765 г. большой однородной сложенной массой. Этим объясняется этнографическая близость каменщиков с семейскими Забайкалья [42, с. 11-12], которые, как мы уже писали выше, одновременно с алтайскими поляками пришли из одних и тех же мест и были направлены в Сибирь, но разные группы их были поселены в разных местах этого обширного края. Большая часть старообрядцев была поселена в Забайкалье, меньшая была водворена на Алтае, где они оказались в соседстве с каменщиками Бухтармы и со временем с последними были установлены родственные связи. Эти наблюдения и выводы вполне соответствуют. Они раскрывают нам те каналы, по которым могли осуществляться культурные взаимовлияния, казалось бы, раздельных этнографических групп русского народа.

Во многом сходна и верхняя одежда этих групп. В Верхнем При-

обье во второй половине XIX — начале XX в. мужская и женская одежда русского населения насчитывала до 30 наименований [43, с. 99]. Примерно такое же количество ее можно насчитать в Забайкалье. Это были зипуны, шамели, куртки, шубы, дохи, халаты, яги, шабурь, озымы, армяки, капоты, поддевки, курмушки, борчатки и

Старообрядцы — «поляки» в зимней одежде. 1912 г.
Фото А.Е. Новоселова ГОИЛМ.

проч. Женская праздничная одежда с рукавами, халаты в том числе, носились вынакиду, только в церкви их надевали в рукава. В будни носили домотканые зипуны или шамели, курмушки часто плисовые, борчатки, бекеши. Зимнюю меховую одежду изготавливали из овчины (шубы, полушубки, тулупы). Дохи, надеваемые поверх обычной зимней одежды куда-либо в дорогу или в лес, шились из собачьего, козьего, гураньего меха. Зипуны, халаты и шубы, имеющие халатозобразный покрой, который, как известно, был характерен для русского правительственно специальными указами предписывало старообрядцам сохранять верхнюю одежду старого покрова. Указ Петра I от 1722 г. предписывал: «А раскольникам и бородачам, какого они за-

ния не были, носить же укладное расколыниче платье, чтобы оные по тому во всех местах явны были, и ни под каким предлогом нигде прикрыться и от положенных за них денег минуть никак не могли... и в котором укладе повелено носить им, расколыникам, старое платье, а именно: зипун со стоячим клеевым козырем, фезеи и однорядку с лежащим ожерельем...» [44, с. 127]. Последующие правители подтвердили указ Петра Великого. Это видно из постановлений правительства 1746 г. и известного Манифеста от 14 декабря 1762 г., в котором императрица Екатерина II обещала, пригласив беглых старообрядцев вернуться из-за рубежа в Россию, что «как в бритые бород, так и в ношении укладного платья никакого принуждения им чинено не будет...» Эти постановления, несомненно, способствовали сохранению у старообрядцев Стародубья и Ветки старорусской одежды XVI-XVII вв. К тому же начало Стародубской канцелярии, в ведении которой находились русские староверы, старались придерживаться старой традиции, боясь каких-либо отступлений от указов у старообрядских сторонников старой веры. Эти старые формы костюма впоследствии были принесены старообрядцами и в Сибирь. Сохранение пережиточных явлений, инерция и стабильность традиционного развития, по мнению французского исследователя А. Леруа-Гурани, составляет основу этнокультурной непрерывности: «Народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам».

О происхождении и особенностях одежды старообрядцев Алтая и Забайкалья написано немало. Поскольку формирование этих групп населения было очень сложным, то и формирование их костюма отразило все перипетии их судьбы. Исследователи выделяют сложный комплекс их одежды, находят в нем компоненты и элементы как северо-среднерусские, так и головные уборы архангельско-олонецкого типа, когда присутствует копытообразная кичка в соединении с сохой, а кичка, позатыльник, кокошник — комплекс, близкий к русскому северо-восточному, вологодско-костромскому головному убору. Пояса этих групп тоже встречаются на северо-востоке европейской России.

В одежде семейских и поляков обнаруживаем некоторые черты населения юго-западных областей России: это отражено в названии частей женской рубашки: чехлик, стан, станушка; запонки в качестве застежек, распространение янтарных бус, бисерные украшения, украшения из перьев дикого селезня (пушки, кучери, «косытки»), способ повязывания атласа и дополнительного платка под подбородком, напоминающий способы завязывания украинских и белорусских намиток, а также повязывание платков наших дончих — русских женщин, живущих в бассейне Дона. Южнорусское влияние находим и в яркости и красочности тканей, отбрасывающих для костюма. Обычай украшать живички, а иногда искусственными цветами головные уборы — тоже южнорусская традиция.

Известный старообрядец Афон Зырянов с дочерью и тремя учениками (Л. Безаян. Верх-Бухтарминский вологит), 1914 г. АГНУ.

Крупный специалист по восточнославянской одежде Г.С. Маслова, изучая одежду семейских, пришла к выводу, что «основной комплекс одежды семейских в значительной степени сходен с одеждой других групп старообрядцев, живущих на Алтае (бухтарминцев и так называемых «поляков»)». Особенно поражает близость женских головных уборов у всех трех групп» [41, с. 66]. Н.П. Тринкова, изучив культуру бухтарминцев, находит ее истоки на северо-востоке европейской части России, а головной убор определяет как ватско-пермско-вологодский [42, с. 395].

Наибольшее сходство семейским кокошником Г.С. Маслова находит в бывшей Вологодской губернии. Близки им и самшурь — кички с матким кокошником Ветлужско-Керженецкого края. Это для нас особенно важно, так как на р. Керженец находились один из основных центров старообрядчества.

Изучение материальной культуры, ее важнейших элементов и видов, сделанные на их основе, о происхождении отдельных комплексов и черт культуры старообрядцев укладных регионов подтверждают и исследованиями диалектологов. У двух групп сибирских старообрядцев — семейских Забайкалья и «поляков» Алтай — распространен южно-великорусский диалект, а у бухтарминцев — северо-великорусский. В одежде всех групп староверов имелось немало северо-русских черт [45], ибо в составе этих групп было немало

выходцев из северно-восточных окраин России, которые в становлении культуры этих групп играли, видимо, не последнюю роль.

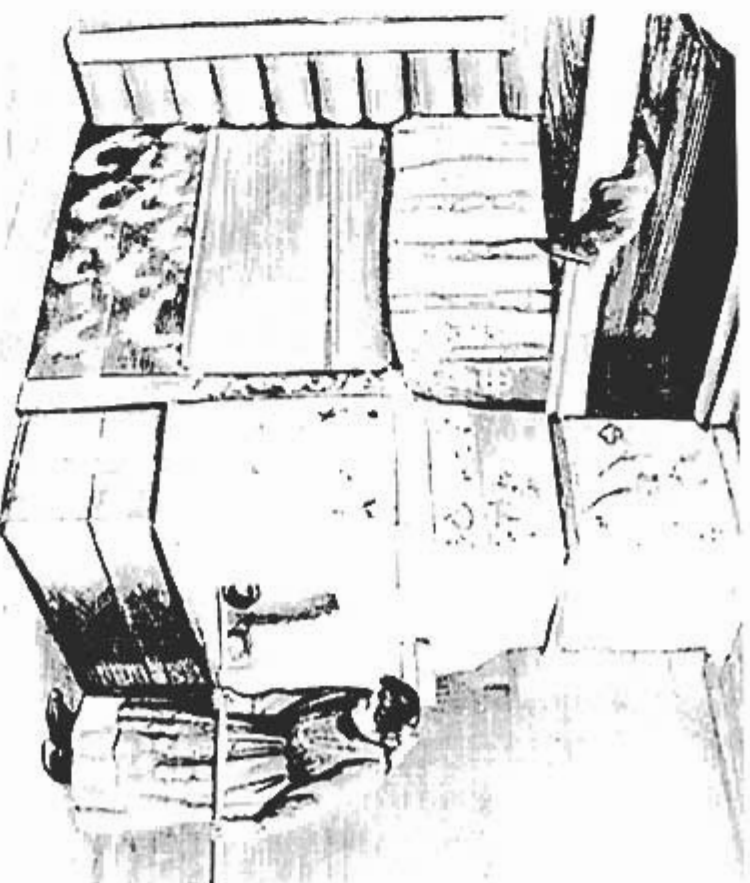

Троица. Девушки с Большой Кунагси на лесной поляне. Фото автора.

Роспись двери и печка (д. Чечулиха на Чарыше). Рис. Н.Н. Наргоской. 1926 г.

О старообрядцах бытует мнение, как о великих тружениках и дремучих постниках, строго соблюдающих все старообрядческие установления, проводящих время в постоянном труде, молитве и посте. Но в литературе имеются совсем иные описания. «Дух веселования» у семейских отметил А. Мартос. О поляках Агния Г. Беренс пишет, что они, следуя за тяжелыми плугами, пели радостные песни. А вот что пишет о бухтарминских старообрядцах утрюмы, но, по сведениям очевидно, бухтарминские старообрядцы утрюмы, но, по сведениям очевидно, видцев, отдают веселью, в ходу песни, но нет необузданного пьян-

Русская расписная печь (с. Тарбагатай), 20-е гг. XX в.

ства. По окончании уборки хлеба варят меду и начинают пировать. Целое селение ходит группами, обнявшись, молодые парни и девичьи отдельно, старухи и старики в своей группе; каждая группа поет свои песни, и деревня представляет полную илилию» [27, с. 44].

Еще более живописное проведение праздника в семейском селении оставил нам Н. Ушаров. Поскольку материал этот малоизвестен и труднодоступен, привожу его довольно подробно. Автор пишет:

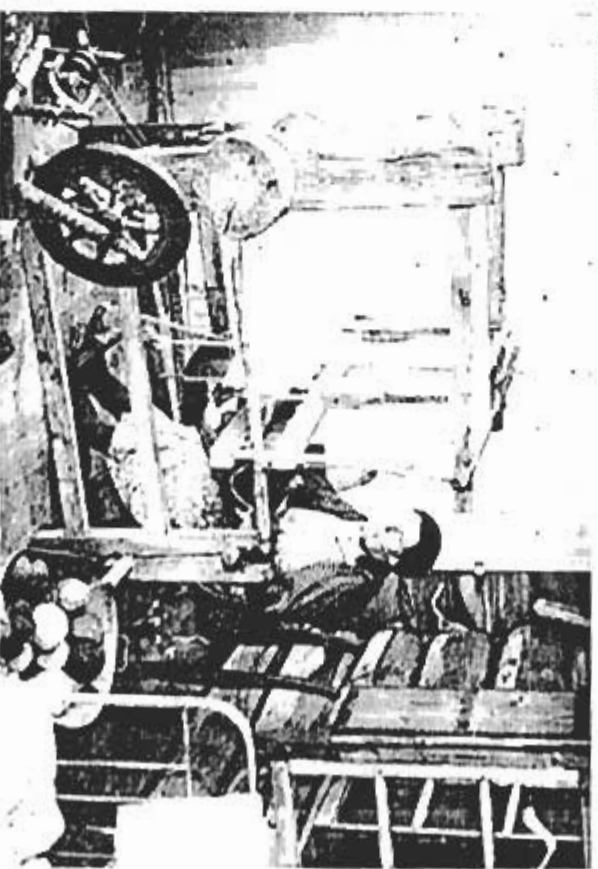
«Вся деревня высыпала на улицу отдыхать от шестидневных трудов... Народ кучками собрался на улице... У ворот девушки заплетают друг другу косы [46]... Я завернул в переулок, тинущийся между огородами, и вышел к мосту, на самое место праздничной гулянки. На обоих берегах наворочены целые кучи, почти холмы солом, вывезенной с гумна, а на кучах этих: лежат, сидят старики. Внизу у куч на мосту и по обе его стороны кружатся четыре хоровада — именно разноцветных, как они называются в одной песне. Перед вами то и дело мелькает, быстро сменяясь одно другим, десяток-другой свежих смеющихся лиц, которые кажутся еще лучше, еще красивее от оживляющего их удовольствия; быстро кружатся у вас в глазах красные, синие, голубые, зеленые ленты, сарафаны, халаты, повязки, монисты: и все это самого яркого цвета нестерпит и движется под звуки какой-нибудь веселой живой песни, тихо подхватываемой десятками двумя звонких, свежих девичьих голосов во всю силу молодой и здоровой груди. Крутом на земле около огороженного тына сидят другие девушки и тоже поют, но песни заунывные протяжные... А там — улица тоже полная народом... Мужики, бабы, старухи, пообедавши (спать они не вовремя не любят) и принарядившись, все высыпали и зашли. Поют решительно все поголовно: старики поют, думая показать свою важность, начитанность или, лучше сказать, теша ею самих себя, притчу о блудном сыне. Поют мужики, хвалясь и добрую чарку душе на веселое, поют девушки, молодые парни от... а впрочем, кто скажет, отчего поет молодость. Поют подростки, считающие себя большими, поют, наконец, и маленькие ребята, по очень простой потребности что-нибудь да болтать... Праздник охватил всю деревню: сегодня отдых, нет дела, нет заботы, — говорят семейские, — и гуляют от души нараспашку...». Так описал автор проведение Прокопьева дня.

Далее Н. Ушаков сообщает, что праздничное гуляние семейских ограничивается строго одним днем, нет ни похмелья, нет ни загулов на 2-3 дня. «Завтра ни один человек не подойдет к кабаку. Завтра, в будни с раннего утра все на работе, а не работать в будни, то есть... когда есть работа, по-семейски точно такой же грех, как и работать в праздники». «Да и во время праздника, — заключает автор, — впрочем и безобразно пьяных не видно» [47]. Там же автор подробно и наглядно описывает яркость и многоцветье семейской праздничной одежды, что никак не укладывается в представления некоторых обывателей о строгости религиозных установлений, принятых в старообрядческом обществе.

Как видно, общность культуры старообрядцев Забайкалья и Бухтармы наблюдается и в таком общественном явлении, как проведение праздников, в яркости нарядов, в использовании восточных тканей.

После этих описаний трудно понять те эмоциональные высказывания Н. М. Ядринцева относительно немusькальности и бесценности сибиряков. В статье «Судьба сибирской поэзии и ста-

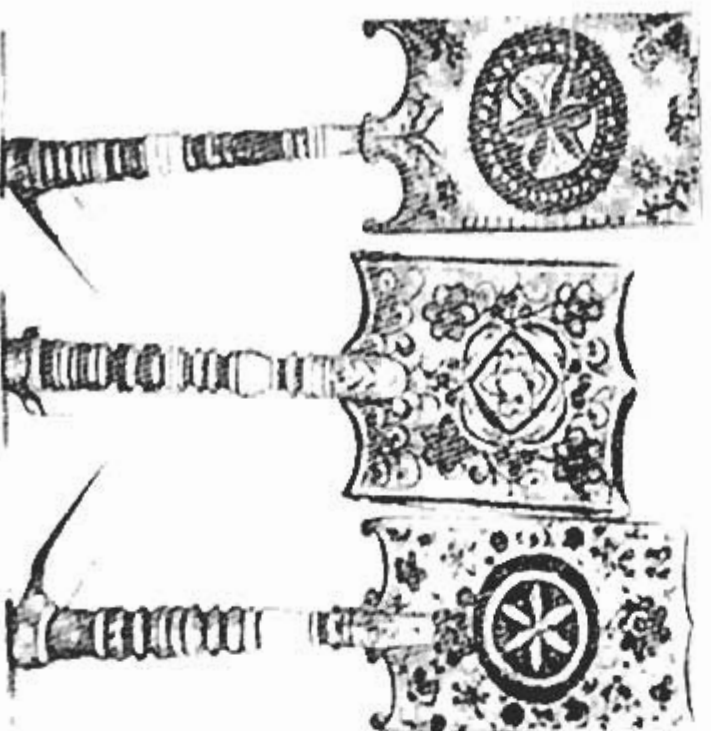
ринские поэты Сибири» он сделал безрадостные заключения: «Русские переселенцы не принесли в Сибирь светильника искусства, огонь его потух от бушующего тлеющего ветра...» [48, с. 409]. «Русский народ в Сибири не musькален, он утратил эту musькальность, вероятно, вследствие своего звероловческого быта... 200 лет такой жизни лишили сибиряка musькального чувства. Развитие музыки и поэзии требует досуга, социальной жизни, хоровадов, общественных праздников, состязаний народных бардов...» [48, с. 408]. Почти все эти явления, перечисленные Ядринцевым, он сам мог наблюдать в старообрядческих общинах Южной Сибири, о которых он неплохо написал, увидев «величественный образ раскольника, спасающегося в уединении, полное замкнутости и религиозно-торжественного настроения» [48, с. 424]. Какое-то сиюминутное настроение автора лишило его более глубокого анализа.

За ткацким станком (Чинкой). 20-е гг. XX в. Из архива Читинского музея

Очень много общеро у разных групп старообрядцев можно найти в архитектуре домов, в их декоре, в настенной росписи, вообще в народном искусстве, в типах застройки и т.д. Описание жилищ староверов и крестьян-старожитов хорошо представлено в работах, посвященных изучению материальной культуры русского населения Алтая и Забайкалья. Но это особая тема, и она требует особого исследования. В рамках данной статьи мы не имеем возможности дать сравнительную характеристику комплексов жилищ названных групп

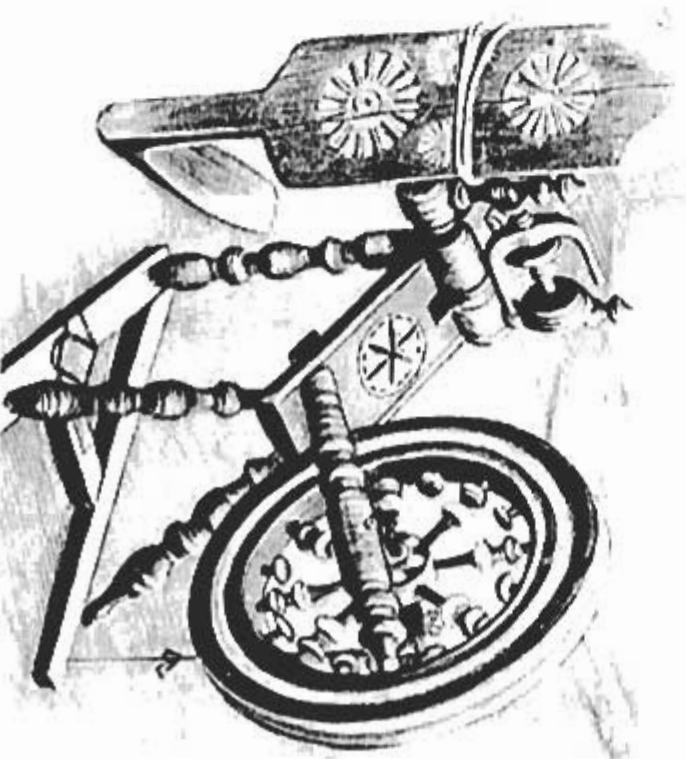
русского народа. Хотя аналогии в строительстве домов, в их росписи удивительны. Вот как описывал роспись жилища крестьян Бийского округа Г.Н. Потанин: «Внутри избы русская битая печь, окрашенная в ярко белый цвет; ее подпечек, косяки, все брусья, а также дверные и оконные косяки и сами двери размазаны разными красками; иногда фантазия маляра могла изобразить на двери целое дерево в банке, усеянное крупными розанами» [49, с. 144]. О тождественных росписях у семейских писал Г.И. Охрименко [50]. Ряд интересных наблюдений по данной проблеме мы находим в трудах Н.И. Каплин, Е.А. Ашенкова, Е.З. Бломквист, Л.М. Русаковой, Л.В. Живовой и др. Большого искусства достигли керкачки (полочки), семейские в узорном тканье различного типа, но прежде всего поясов, которые служили им как неотъемлемая часть одежды и как оберег.

Прялки расписные (1. с. Быструха Губовского района Вост.-Казак. обл. Науч. XX в. 2. с. Мазо-Убинка 1918 г. 3. с. Быструха, Науч. XX в.) Музей ИАЭТ. Сборы Л.М. Русаковой.

Всем староверам был присущ культ чистоты. Это проявлялось в религиозной жизни и в быту, в отношении к пище и к посуде. Для всех старообрядцев общими были запреты в питании. Им, в силу религиозных воззрений, запрещалось принимать в пищу всякое животное с неравноценным копытом («ногтем» (конь); парных птиц (голубь, скворец, воробей, лебедь), диким животным (заяц, белка, кабан, тетерея и птахами птицу, диких животных (заяц, белка, барсук и др.). Запрещалось оставлять воду неприкрытой (см. подробнее Приложение 1). Если посудинка с водой не имела крышки, то ее обязательно «закрывали» двумя лучинками, положив их крестом.

У старообрядцев всех толков и согласий запрещалось иметь общение с мирскими (никоверующими) в «ядении, питии и любви». Для них имелись особую посуду, которую хранили отдельно. Но если человек другой веры или национальности переходил или перекрещивался в старообрядчество, то всякие запреты общения с ним снимались. Он становился полноправным членом старообрядческого общества.

Самопрядка и прялка (с. Окнино-Ключи. Забайкалье)

Красноречивыми примерами этому утверждению служат многие численные факты перехода бурят (в Забайкалье), казахов (на Алтае — Бухтарме) в старообрядчество. По переписи населения 1897 г. в Забайкальской области старообрядчество исповедовали 375 бурят обоим пола [51]. Обширению с абортанами края способствовали экономические, хозяйственные связи. Они приводили к взаимопроизводству культур, к установлению родственных отношений, к смешанным бракам, к родству. Подобные явления наблюдались и на Бухтарме в результате крещения казахов. Там, как сообщается в книге «Бухтарминские старообрядцы» (стр. 45–46), «почти в каждой деревне могут указать дома, гдеделы-предеды были кыргызы (киргизи)».

Запреты были вызваны прежде всего чисто гигиеническими соображениями. Не признавая официальной или научной медицины, они боялись получить какую-либо «прилипчивую» заразную болезнь от общения с неизвестным человеком, возможным табакуром, выпивкой или «нехристом». Так же строго они относились к использованию посуды в хозяйственных, бытовых и религиозных нуждах. Они подразделяли ее на чистую и нечистую. Чистое ведро, например, нельзя было вносить в баню. В банной бочке, ушате или шайке нельзя было хранить воду для питья. Ножом, которым резали хлеб, нельзя резать мясо падали или обдирать павшее животное. Из реки можно пить только припорошным, а не ртом. У них была отдельная посуда для скоромной и постной пищи. Посуду из-под скороми перед постом выжигали на огне, очищая скоромный дух.

У старообрядцев Алтая и Забайкалья широко было развито гончарство. Большие семьи староворов и развитие молодого скотоводческого хозяйства в их общинах требовали большого количества глиняной посуды.

В тех селах, где были обнаружены залежки глины, там и шло развитие гончарного промысла. Так, на Бухтарме посуда почти не покупалась в деревнях Белой, Язовой, Фыркалке, а изготавливалась керамичками [42, с. 180–187]. В Забайкалье у старообрядцев тоже были свои центры гончарного производства (с. Шардаид — название этого села в переводе с бурятского означает «желтая глина», или песок), Хонхой, Кулгун, Харауз и др.

Как и бухтарминским старообрядцам был известен только первый тип гончарства — женское гончарство с кольцевым налетом без крута или с очень примитивным гончарным крутом, так и у старообрядцев с. Хонхой (ныне Мухоршибирский район Республики Бурятия) было обнаружено изготовление посуды по первому типу. В остальных же поселениях мастера гончарного производства были носителями северорусских и южнорусских традиций [52]. У семейских гончаров занимались в большинстве своем мужчины, подобные работы выполняли женщины, возможно, это было поздним явлением. Из названных сел как на Бухтарме, так и в Забайкалье, в частности, из

Шардаид, горшечные мастера возили посуду на продажу. Часто выменивали ее на продукты питания. Обмен производился чаще всего «мера на меру». Гончару платили ту меру зерна или кедровых орехов, которая вмещалась в посуду.

В чем-то общими у этих групп, на наш взгляд, были и условия возникновения новых деревень (выселков). Это происходило после того, как чисто жителей в первоначальных селах сильно возрастало. Демографические процессы приводили к тому, что наличие земли в этих населенных пунктах становилось недостаточным. Малосемельные селения старых сел искали более богатые земельные (пахотные) угодьями места. Также к переселению принуждали природные и климатические условия (малоплодородная почва, плохая вода, разливы рек, ранние заморозки в тех местах). Крупные селения, из которых отпочковывались несколько семейств и основывали где-то в новом месте новое селение, местные жители называли «плотскими матками». К таковым на Алтае относилось село Секировка. В 1913 г. в этом селе насчитывалось более 5 тыс. жителей. Секировка основали до десятилетия селений [53, с. 390].

В Забайкалье наиболее крупными старообрядческими селами были: Вичура, Большой Куналей, Кулгун, Тарбагатай, Хонхой, Никольское. Их население составляло от 5 тыс. до 7 тыс. человек. Жителями Вичуры, которые первоначально были поселены в с. Покровском, на Джиде и в Вичуру перебрались только в 1768 г., впоследствии были основаны и заселены следующие деревни: Мотня (Черемухин), Новосергеевка, Покровка, Алташей, или Петропавловка и другие. Все они ныне находятся в Вичурском районе Бурятии. Жители Большого Куналея основали и заселили села Вознесенку, или Куналейский поселок на Селенте, недалеко от Улан-Удэ, Капиновку, Верхний Сутай, частично Гаши в Мухоршибирском районе; Кулгунцы основали Саратовку (Кулгунский поселок) на Селенте по Вичурскому тракту, Никольский поселок (Спиртавод), а в самом начале поселения за Байкалом, Новую Брянь в Заиграевском районе Бурятии и др. Жителями Тарбагатай заселены Кордон на Селенте, с. Ягодное в Селентинском районе. Переселенцы из этих же сел основали и заселили ряд деревень и селений в Читинской области (Беклемешево, Бадуй), а также основали ряд поселений на Амуре и в Приморье.

Много сходного имеется и в их религиозной жизни, хотя в отдельных группах староворов были свои особенности. Приведем только некоторые данные. По приблизительным подсчетам, полученным А. Новоселовым в его поездке в 1912–1913 гг. к старообрядцам Алтая, зафиксировано, что они к этому времени сильно разделились на разные течения и толки. Так, в Секировке, откуда начало распространения единоречия, последователи этого направления составляли 60%, беспоповцы — 15%, белопоповцы — 20%, австрийцы-окружники — 4%, и 1% составляли православные. До 1837 г., отме-

ской губернии, но затем это название распространилось в Западной Сибири и на другие группы старообрядцев.

В результате проведенных сравнительных исследований, нами были обнаружены только некоторые общности для этих групп черты их культуры, быта, хозяйственной деятельности, но они позволяют судить о сложности формирования этих групп еще в период их проживания в европейской части России и в пределах Белоруссии, Украины, Польши, чему мы находим подтверждение в их языке, одежде, предметах быта и обихода, в их преданности старой вере, в их традиционной обрядности.

Отдельные особенности быта, занятий, одежды и других видов материальной культуры проявились уже на местах их нового проживания (заведение пашен в горах, на еланях, в лесах, на косоторах; развитие полноводного земледелия с частичным использованием ирригационных сооружений местных народов) мараловодство, частичное заимствование одежды у соседей бурят и казахов, алтайцев (юха, пиши, чемабары).

Как на Алтае, так и в Забайкалье своеобразно протекала общественная и религиозная жизнь. Новые веяния и отношения постепенно вторгались в общинные и религиозные устои. Наступившее со временем многоземелье заставляет население искать новые земли, обрабатывать запустевшие, высеять, уезжать на Амур, на Дальний Восток. Вторжение единоверия и работа миссионеров ослабляют старообрядческие толки, в частности, белгородовщину. Это с особой силой проявилось на Алтае, на Бухтарме и на Чинке за Байкалом. А хозяйственные связи привели к некоторому сближению с аборигенным населением, иногда и к смешанным бракам семейных с бурятами, китайцами, тагарами, а бухтарминцев — с казаками. Под влиянием социально-экономических причин происходит ослабление замкнутости старообрядческого общества на указанных территориях.

Русское влияние на аборигенов края складывалось во всем: элементы его мы находим в хозяйственном укладе, в земледелии, в переходе на оседлость, в домостроении, в одежде, в освоении европейской, а в первую очередь, русской культуры. Оно проникло в быт, в религиозную жизнь (переход бурят, казахов в православие, старообрядчество), влияло на ландшафт местности. При взаимодействии культур на Алтае, в юго-восточной Сибири вытесняло прежде всего аборигенное население, так как русская культура была более передовой, стояла выше по уровню своего развития, чем культура местных народов.

Россия была крестьянской страной. Материальная, духовная, нравственная крепость крестьянина зависела от его связи с землей. На вольной земле его жизнь шла спокойно, уверенно, духовно богато, нравственно крепко. Как только мужик отрывался от земли (уход на золотые прииски, на строительство железной дороги, в город на заработки), становился безземельным, бедным, так начинался его духовный и нравственный упадок, человек деградировал, часто не по

своей воле. Это наблюдалось на Алтае (приписные крестьяне) и в Забайкалье. Наиболее стойко состоянию подобной деградации не поддавались старообрядцы, даже среди приискателей они держались с достоинством и отличались трудолюбием.

Старообрядчество Сибири в изучаемый период представляло одно из основных течений в развитии русской народно-бытовой культуры. В среде его приверженцев сохранялось то исконно национальное русское начало, которое свято хранилось ими и передавалось благодаря традициям из поколения в поколение. Это играло большую роль в развитии национального самосознания, в сохранении веры и культуры. И в этом безусловно позитивное значение староверия в русской жизни.

Развитие русской культуры на восточных окраинах, очевидно, не было самодеятельным явлением. Оно представляет сложный, докультурный вариант общерусского развития со всеми переплетениями с культурами коренных народов и заимствованиями из их сокровищницы всего лучшего из достигнутого в данной местности и выработанного в духовной сфере. Это нашло отражение в самобытности и своеобразии локального варианта культуры старообрядческого населения Алтая, Восточного Казахстана, Забайкалья и Приморья.

Старообрядчество в XIX в. перешагнуло границы России и стало мировым явлением. Русские староверы, в том числе с Алтая и из Забайкалья, в силу разных причин теперь проживают почти на всех континентах земного шара, в 20-ти странах мира. А именно: в Европе (в Болгарии, Польше, Румынии, Германии, Франции); в Азии (в Китае, Монголии, Турции); в Австралии и Америке (в Аргентине, Бразилии, Уругвае, Бразилии, Канаде и США) и др. Только в штате Орегон (США) проживает примерно 5 тысяч русских старообрядцев, переселившихся туда через Уругвай и Бразилию из Китая и Турции. С этим фактом тоже необходимо считаться.

В наше смутное время перед русскими людьми все чаще встает жгучий вопрос выживания русского народа, его спасения. Эта идея не может осуществиться без осознания того, что без объединения всех трезвых сил, без единения всех любящих Россию и ее народы трудно что-либо решить положительно. В этом плане необходим акт покаяния официальной церкви перед старообрядцами как главный шаг навстречу друг другу. Многие священники осознали пагубность продолжения раскола, продолжательство уже более 300 лет.

Однажды на одной из научных конференций в г. Новосибирске очень прочувствованно выступил священник. Он говорил, что старообрядчество — это смотрение (промысел) Божий над Россией, и что последователи древнего благочестия являются хранителями «благотворного вопреки плохому настоятелю». Они сохранили многие черты высочайшей культуры допетровской Руси в одежде, культуре, языке, обычаях. Они восстали против никемных реформ, против порчи русского Мира, против латинизации. Они восстали против раскола русского бытия, а их, вопреки здравому рассудку,

называли раскольниками. Обвинение перенесли с большой головы на здоровую, как это нередко бывает в России, когда реформаторы выступают против коренного устройства общественной и государственной жизни в России, руководствуясь просадальными теориями и веяниями.

Проведя краткий сравнительный анализ отдельных черт культуры различных групп старообрядческого населения Алтая и Забайкалья, мы приходим к выводу, что Сибирь заселилась отборным народом, дюжими людьми. Здесь жили и осваивали ее земли, часто не знаящие лемеха, сохи и плуга, не одни Иваны, не помнящие родства, а люди крепкой веры, крепкого духа, уверенные в себе и в устройстве своей судьбы, обладающие неимоверным трудолюбием, земледельческим талантом, общинной сплоченностью, смелой, трезвостью и веселонравием. С момента своего поселения в этом относительно привольном и прекрасном крае русские люди старались обиходить землю, окультурить ландшафт, украсить свой быт, одежду, свое жилище, домашнюю утварь, орудия труда. Особенно ярко это проявилось в жизни, быту и культуре старообрядцев юга Сибири, ставших сначала вольными и невольными изгнанниками в этом регионе, а затем и старожилами, превратившими далекую окраину России в русский край.

Старообрядцы в самых экстремальных условиях наглядно доказывали жизнеспособность русской культуры. И в наше время, когда они пережили все гонения, ссылки, революционные преобразования, расклевывание, урбанизацию, всемерную нивелировку культуры, несмотря на насаждение недовери и презрения к культуре предков средствами массовой информации, они сохраняют ее, ее традиции и способность самовоспроизводства.

Приложение 1
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О СТАРООБРЯДЦАХ АЛТАЯ
(60-Е ГГ. XVIII В.)

В последние три десятилетия историки и этнографы Сибири обнаружили в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска и Улан-Удэ ряд важных документов, которые позволили по-новому осветить отдельные некогда темные страницы истории «полюсков» Алтая и семиречья Забайкалья. В частности, удалось точнее проследить историю их переселения в разные регионы Сибири, уточнить их конечный состав и места, откуда они были выведены и где поселены. Найдены первые списки старообрядцев Забайкалья и другие материалы [58].

Попытка найти подобные данные о староверах Алтая пока не привела к успеху, но кое-какие материалы о старообрядцах Алтая нам удалось обнаружить в «Описи исповедным книгам, хранящимся в Барнаульском духовном правлении», которые относятся к 1765, 1766, 1768 гг. Они находятся в Государственном архиве Томской области (ГАТО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 10, 11, 12). В этих документах имеются данные о числе «записных раскольников», о некоторых родах, начинавших старообрядческих родов и об их семьях, проживавших в разных деревнях, селениях и городах, которые были зафиксированы к тому времени в исповедных росписях разных церквей, действующих на территории Юго-Западной Сибири (в нынешних границах Алтайского края, Новосибирской области и Восточного Казахстана).

Мы не беремся судить о полноте и достоверности учета и записи всех проживавших на этой территории старообрядцев, ибо система учета приверженцев старой веры не могла быть совершенной и достоверной, поскольку она играла неблагоприятную роль в церковно-политической слежке за противниками религиозного инкоммюниста, а к таковым официальная церковь и власти относили старообрядцев всех направлений. Н.Н. Покровский, глубоко изучив и проанализировав это явление, пришел к выводу, что данные учета записных раскольников слишком ненадежны для сопоставлений сведений о распространении раскола в разных районах Сибири, не позволяют судить и о динамике сибирского старообрядчества [59, с. 406]. Тем не менее, мы приведем найденные нами материалы, дающие весьма неполную информацию о состоянии и численности староверов до появления здесь значительной группы русских старообрядцев, выведенных из Польши и получивших название «полюски». В делах же 1766 и 1768 гг., возможно, нашло свое отражение и появление в отдельных селениях этих «Польских выведенцев», так как сведения о численности «раскольников» по отдельным приходам в эти годы резко возросли [60].

Эти материалы существенно дополнят уже известные работы о

русских крестьянах и разночинцах Алтая, первопоселенцах старообрядцах, внесших свой посильный вклад в хозяйственное освоение и развитие материальной и духовной культуры этого примечательного во всех отношениях края. Новые материалы важны еще и потому, что в работе историка Ю.С. Булыгина [61] староверы большинства селений фактически не выделены из общей среды крестьянства, хотя его материалы по временным рамкам наиболее близки нашим.

Процесс заселения Алтая и сопредельных территорий русскими крестьянами-старообрядцами остается еще недостаточно изученным. Тема формирования крестьянского старообрядческого населения Алтайской губернии привлекает внимание исследователей и вызывать живой интерес у самих потомков этих первопоселенцев — пионеров местного хлебопашества, пчеловодства и маргариоводства, надежных хранителей русской народной культуры, старой древлеправославной веры и крепости духа на окраине России. Значительная часть работ, посвященных старообрядцам Алтая, приходится на вторую половину XIX — начало XX в. Расселению староверов на Алтае и колонизацию ими местных земель в XVIII в. пока посвящено немного работ [62].

Существенный вклад в историю появления «поляков» на Алтае внесли работы Н.Н. Покровского. Прежде всего отметим его фундаментальный труд, посвященный уральско-сибирским крестьянами-старообрядцам XVIII в. и статью «К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков» [63]. В них освещены факты поселения и дальнейшего расселения старообрядцев на территории изучаемого края. Отдельные материалы на эту тему находим в книгах Н.Г. Аполловой и Т.С. Мамсик [64]. Большое внимание и много работ русским на Алтае посвятила В.А. Липинская [65]. В ее книгах и статьях, написанных на полеводо-этнографическом материале, ярко прослежен процесс формирования контингента русских сибиряков на юго-западе Сибири, которые стали здесь коренным населением и внесли свою лепту в сохранение и развитие традиционной культуры в новых экологических условиях.

Описи известных книг, хранящихся в Барнаульском духовном правлении. 1765 год.
ГАТО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 10.

В исповедной росписи Барнаульской Петропавловской церкви записанных раскольников значится

	Муж. пола	Жен. пола
1. Разночинец Офонасий Иванов Игулинов, 53 лет, жена его Наталья Иванова, 44 лет. Дети их: Андрей, 5 лет, Анна, 1,5 лет.	4	5
Деревни Панишиной крестьянин Панфил Офонасьев Недобров, 49 лет, жена его Евфимия Софронова, 46 лет, отец его Офонасий Игнатьев, 91 лет, теща его Устиния Ильина, 101 лет, дочь ее Евдокия, 63 лет. Дл. 27-27 об.		
2. В росписи Барнаульской Олдитриевской церкви раскольников значится их фамилии: Сидоровы, Пешковы. Дл. 51 об. — 52	5	10
3. В Барнаульской градской Захарьевской церкви раскольников Их фамилии: Латниковы, Белозеров, Макаров, Пущикарев. Дл. 79 об. — 80	5	6
4. В Бийской Петропавловской церкви раскольников Деревни Шелегной Раскольники Кошкар, Быков, Байдионов, Черепанов, Сафронов, Смирных, Шипунов. В Деревне Новой Ларион Петров сын Шелегин, 60 лет, Черданцов, 80 лет. Дл. 112-120 об.	11	9
5. Кособоковского села Екатерининской церкви раскольников Дети их	44	43
Из них (вероятно, в Кособоково. — Ф. Б.) Архипов, Давид, Шумилов, Романов, Кузнецов, Белозеров	9	5
В дер. Порошихинской Шандуров, Останин, Печурков, Черных	15	9
В дер. Чюпино Белозеров, Медведева, Густокашин	9	7
В дер. Самсоновой Паутов, Тихобаева	2	4
В дер. Качусовой Михаил Васильев Качусов, Петр Васильев Качусов, Никулин	1	2
В дер. Вестужевой Вестужев, 40 лет, Королев, 70 лет — подворник Вестужева, Шипунова, 70 лет	4	3
Дер. Воробьевой	3	2
Дер. Красноярской	7	6
	4	3

Дер. Останиной Осип Семенов Останин, 36 лет, Кондратий Егоров Останин, 30 лет. Их жены соответственно — 35 и 30 лет	2	2
Деревни Усть-Кадминской раскольники Медведев, Кабанов, Соколов, Кузьминных	5	5
Дер. Усть-Чарышской Макал Константинов Олхин, 53 лет, жена Пелагея Степанова, 41 лет, их дети: Ульяна, 16 лет, Мария, 11 лет Лт. 123-124	1	3
6. Козьянканского завода Воскресенско-Крестовой церкви. Из них мужчин 5, Дети их 5. Среди них фамилии: Харловы, Лихачевы, Тетеркин, Паутов Лт. 142-14206.	10	12
7. Шудльбинского завода раскольники Лт. 176 об.-177	3	3
8. Калининское или Капшинское села Николаевской церкви. Там же обретаются раскольники		
Деревни Нечонаевой Назар Семенов Плотиных, 85 лет, жена ево Анисия Тихонова, 80 лет, дети их: Авраам, 45 лет, Стефан, 26 лет, Клемент Ипатьев Бюров, 60 лет, Прокопий Васильев Нечонаев, 45 лет и др.	6	6
Деревни Шипуновой раскольники Шатаев и Березовиков	2	2
Деревни Быковой	5	3
Хомяков, Нелеев, Выков		
Озерного Зимовья Иван Савин Бельх, 55 лет	1	2
Деревни Урюпинной Белозов, Шаманаев	5	3
Итого Лт. 207-207 об.	18	16
9. Бельозерской слободы и в окрестных селах раскольников	30	48
Но в 1768 г. их уже значится 96/121 (Ф. 263. Оп. 1. Д. 12. Л. 286). Там следующие деревни: Ниношева, Овчинникова, Макарова, Зырянова, Копылова, Средняя Красилова, Глуховская, Филипова, Каменная, Повалякина, Кислуха. По Чумышу — Воронина, Сорочкина, Манюшина ножи.	96	121
10. Тальменского села	1	3
Дер. Шипициной	2	8
Дер. Усовой фамилии: Хавкунов. (в списках семейских встречается фамилия Шавкунов. — Ф.Ф.Б.), Стукова	12	15
Дер. Бесталовой	-	2
Дер. Шипициной (Шипов, Казанцов, Шипикин, Половинков) Дер. Давыдовой (Силин, Ярослав, Митковской Дер. Зайцовой — фамилии: Казанцов Дер. Кошкаретайской — фамилии Колесников	5	7
Дер. Луговой		2

Дер. Егоровской	4	4
Всего Лт. 277 об.-278 об.	39	51
11. Леростанское село	13	19
Дер. Гусельникова	5	10
Всего Лт. 323-324	18	29
12. Берской Срегенской церкви раскольников	45	57
Дети их: Дер. Тулинской раскольники Андрей Гуляева дети Иван 30 лет, Семен 17 лет. Алексей Максимов Гуляев, Иван Максимов Гуляев. Есть Зеленицы — у семейских — Зеленины?	47	25
Зеленины. Лт. 338, 381		
13. Чимгемского (?) села Петропавловской церкви. Сюда входили крестьяне деревень Каменской, Ельбанской, Столовой, Зыринской, Ерестской, Костылевой, Соколовой, Крутихи, Моветиной (в них староверов 4 чел.)	4	
14. Малышевой слободы Христорождественской церкви Сюда входили Малышевская слобода, деревни Малышева, Кишкина, Верхние и Нижние Сузунские, Ваева, Андронина, Черемшанская, Тюменцева, Задорная, Селезнева, Истрина, Беркова, Инская, Кротова, Усть-Марецкая, Городищенская, Марецкая, Обвинцова, Идолова, Кучельская, Овчинина, Куликова. К 1768 году принадлежат новые деревни: Задорная, Кишкина, Прохудино, Кулундинская, Бродовская, Карполюдова		
В 1765 году в них проживало раскольников	56	63
детей их	68	97
Всего Лт. 452	124	160
В 1766 году раскольников уже числятся Дворов их 109 Ф. 263. Оп. 1. Д. 11. Л. 506	211	262
В 1768 году их числится Ф. 263. Оп. 1. Д. 12. Л. 242 об.	216	258
15. Касматинского села фамилии: Оленев, Харин	7	10
В дер. Быковой	-	2
В дер. Кокуйской вдова Дуфровина, 54 лет Лт. 487 об.	-	1
В дер. Езовой проживали раскольники Харин, Орлов, Двойнишев (?), Пахорук, Молоков (?), Рабов, Менишиков, Мушников, Молин, Черепанов, Бесталов, Молоков. Лт. 488	31	34
В д. Уровской проживали Некрасов, 34 лет, Суатов?, 50 лет, Зенков, 92 лет, Муромцова, Ермаков, 58 лет, Боярский, 43, Гладцев, Сенокосов, Гушин, 80 лет. Раскольники	6	15
У Некрасова дочь 13 лет. Остальные преклонного возраста	29+1	34

В д. Подгорной — Токарев, Назаров, Бабин, Шелепов, Казанцев, Корнеев, Раскольников	4	11
В д. Елупинной Хмелев, Камышев	4	4
В д. Боровниковой проживают братья Боровниковы: Егисей и Терентий, Тихонов, 64 лет	3	4
В д. Пещанской — Цыпигев, Гуляев, Печеркин	4	5
В д. Грамотиной старожилы Карповы, Пушкаревы, Сарапулов	12	15
В д. Урывской — супруги Опарины (57, 51 лет)	1	1
В д. Рогозихи — Кошкарковы	3	4
В д. Беговой — Бобылевы, Гуляевы, Боровниковы	31	34
В д. Островной — Шипуновы, Серебренниковы	9	13
В д. Загливной крестьянина Ивана Чанова жена Едлокия Яковлева, 48 лет.		1
В д. Овсянской — Пуклины, Елупины	7	4
Раскольниковы	78	111
Детей их: Лт. 488-492	55	60
В 1766 году в этом приходе было раскольников 20 дворов	77	118
Детей их: ГАТО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 11. Л. 546	56	59
В росписях 1768 года в этом приходе отсутствует запись ряда селений, а записавшихся раскольников	62	69
Детей их: Д. 12. Лт. 162 об.-165; Лт. 366-367 об.	52	83
В Липоставском приходе в 1766 году было раскольников: Ф. 263. Оп. 1. Д. 11. Л. 579	18	29
В росписях Кособоковского села в 1768 году в деревнях Порошихинской, Самсоновой, Качесовой, Вестужевой, Воробьевой, Крусиной, Усть-Жеревинской, Усть-Чарашской, Чупиной проживало записанных раскольников: ГАТО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 12. Лт. 330-331	49	47

ИЗ СТАРООБРЯДСКОЙ КНИГИ «ЦВЕТНИК» НАСТАВЛЕНИЯ И ЗАПРЕТЫ

По всяк должны утро и вечер правильно установлено исправляти: исповедь, крещение, крест носить на теле своем. Исповедь чашто и бери себе человека вместо отца духовного. Сходясь и расходясь часто прощайся и благословляйся, часто кланяйся в ноги и на молитву вставай часто, чистоту храни. Трезв буди всегда. Правильно носи по всяк день, не проси утрени, вечерни; еш редко, за все постись от пива, вина, от мяса, по праздникам не работай и бань не топи, чистоту блюди. Собак не пушать в избы, от мирских уходи прочь. Не пей, не еш и не молись с ними нигде; чашки свои держи. Берегись как от собак от матернословцов, сквернословцов, бранилов, цвететников², блюдишь ходить к верным или один молиться. И в доме своем.

А в скверности не буди единого дни. Ставай перед образом Божиим в чистоте на молитве: и два одра³ нести, на праздники особь еши; средь, пшток [пятницу] храни, рыбы не еш имже выгет [между едою, меж обедом и ужином, например] земны поклоны в посты 4; А всеношных 69 в году; образы] собою носи свои; у мирских им не молись и образов мирских не бери в дом свой. Крест на шее за все носи, не будь один день без него; пред обедом и ужной и после стола за все молись. И в роботу и в дорогу ехать или пеш, чрез реку и припод оттуда в свой дом помолись...

Рукы умывать по 3-ды от погани часто, когда хвятишь за што, обутьки и чорну рубаху и голо тело чesавши, или посуду погану, что ниньст и поганое у чистой посуды не класть и в чистом месте нигде не класть и ножом чистым не резать поганова; По свадьбам не ходить, пива, вина и брат не пить — то ярось змеина. С постели ставши не пить по ночам, пельмени не делать, на пиры и на игрища не ходить и бань по праздникам не топить. С женой законно жить, чистоту блюди средь и пшток и протчина посты. и господские праздники от скверны блюдишь и на молитве не очистишь не будь ни мала время в чистоте ходи. И чорных рубех и обутьков на лавку не клади. Яко к образам ни близ нигде и в углу том и под лавкой не клади. И варено из чашек мирскими не дохлебав назад не выливать в горшок и квас мирской посудой не черпать ис кдеца и ис горшков и котлов, и ведер искорчати нот собак и кошек и от скота блюсти, нюхать не давай, ниже лизать; чисты ведра в бани не вносить, [о]рбодливы держать.

Да причастимся святыне, сиречь чистоты!

А годовы праздники Господски и Богородичны и воскресны дни в

² В крестном знамении осеняющих себя шепотом, просперствием; табакуров, бруснич табак трема пальцами.

³ Одр — ложь, постель.

неделях 52 чтн честно в ношных молитвах и книжным чтением и работным покоем давай и о поев от работ свободу.

[Далее показаны праздники церковные и моления на них]

О погребании и поминании

Зря на восток лицом погребать; с дестовкой ⁴ и поминование прайти молитца, 3-поклоны и 9 поклоны и полусороchini и 40-катины, то есть в 3-й и 9-й, 20-ый и 40-й день и ... сорокаусты и понахиды и годовые памяти справлять и 6 месяцев и кажды по субботам поминать молитца во все годы.

А крещеному с погаными с тотарами не ясти а в посны дни скормни, ни зайца, ни рака, ни голубя, ни воробья, ни кровоядины, ни дашенины в силах [т.е. в силках] и тенетах, а поверженова скота от каки лавы случившися аще умрет поом повергает и велик пост все честно провозжидать в земных поклонах. А страстну неделю всю сухо-ядением поститесь как и первую неделю феодритову и молитесь в чистоте аще сию четьридестиницу в чистоте не сохранился от блуды; душа его восплачет весь год; и спорны несть. Подобаеи Бога любить всем сердцем, всею силою и крепостию, и мыслею и словесы и делы по заповедям божьим.

Повсядневаго правила неси не израни не единого дни не обленися. Веруй крепко. Крест целуй со страхом и умилением с жалостью и воздыханием сердечным. В чистоте всегда будь и молитве несленостно с трезвостию. Непьянствовать никогда. Не мокропнествовать котлами яко египтяна, за то наказаны 10 казнями. И меж вытями не еж нирьбы в среду патов, и рано до свету не ясти, редко ясти. А часто на молитву ставать, и рано трезвиться а непьянствовать и не укрупнаться попом родословием, именем, дворами и скотом не похвалитса и простым и попом ни лову не творить, ни пестрин не носить, не укрупнаться ни наптрнцах не быть, и женску одежду не обоглокать [гл. 193-196].

Чревобожнице мамоне служат ⁵, а не Богу усы и бреды бредут и матерно бранятца и в посты мясо едят, как татар, а впатов празднуют иные и каменья не разжижут и платье иные не бучат в святоство женятся, одежду носят немелкую и латинскую с борами и брыжами манжеты, зборники юпки женщины и мушны. Комзолы с прорехами и путницы широки и шаблеты [197].

Нельзя держать в доме собак.

За стол садится — молится, из-за стола выдести — молится.

Не умыв руки, за хлеб не берись.

Неверные

Поклоняся оглядываются во все стороны как коза и в шапках перед образом стоя.

⁴ Старообрядческие четки.

⁵ Служить мамоне — чревоуголичить, обжираться, поклоняться божеству богатства.

Аще кто в знаменни в двоеперстном сложении не проповедует божества и челоуечества Христова не воображает на лице свое трилицу с двумя персты не возлагает рукою на главу свою и на сердце и на рамах своих, сиречь на плечах. Сей несть Христов, но антихристов [Иоанн Богослов, 203].

И в течении [месячных] женам в церковь не ходить ни ко кресту ни кадилу нисвечам не приматися.

А в зачатии младенца мужеска пола якобы в 3 день душа влается, а женска 12-ый — то ложь у них, иные мочь пьют свою, скверность. Скверность — хлебны ножами падаль обдирают и виш бьют. И нападкаю из рек не припотцами пьют, иные в посты мясо ядят и с женоми спав блудят и не в чистоте ходят. Сего ради все стопы его скверны двори, гумна, житницы... А указано. с женою точною ⁶ в понедельник, вторник, четверток. А среду и патов постом проводить, от жены особь одр иметь в чистоте обом. И воскресны дни и Господски и Богородичны праздники честно проводить. А Среда и патов от хлеба пост до 9 часа, нежелъ рыбы ести [198].

⁶ Точно — только.

1. Русские старожилы Сибири. М.: Наука, 1973.
2. *Безиков Д.Н.* Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905.
3. *Безиков Д.Н.* Первые русские крестьяне — наследники Томского края и ранние особенности в условиях их жизни и быта. Общий очерк за XVIII и XVIII столетия. Томск, 1898.
4. *Бологов Ф.Ф.* Семейские. Улан-Удэ, 1992; *Ом же.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XIX вв. Новосибирск, 1994.
5. *Громыко М.М.* Некоторые вопросы общественного сознания в научении дооветского Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири дооветского периода. Новосибирск: Наука, 1971.
6. *Сабурова Л.М.* Культура и быт русского населения Приангарья. Конец XIX-XIX в. Л.: Наука, 1967.
7. *Александров В.А.* Русское население Сибири XVIII-нач. XIX в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964; *Ом же.* Итоги и перспективы изучения материальной культуры русского населения Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири дооветского периода. С. 57-75; *Ом же.* Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVIII-нач. XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука, 1974. С. 7-21; *Ом же.* Этнография русского крестьянства Сибири. XVII-середина XIX в. М.: Наука, 1981; *Александров В.А.* Трудовые традиции и современность // Традиции в современном обществе. М., 1990. С. 65-70. и др.
8. *Александров В.А.* Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVIII-XIX вв.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука, 1974.
9. *Липицкая В.А.* Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII-начало XX века. М.: Наука, 1996.
10. Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974.
11. *Александров В.А.* Трудовые традиции и современность // Традиции в современном обществе. М., 1990.
12. *Палаас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1770. Ч. 2. Кн. 2.
13. *Палаас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1772. Ч. 3. Поговина 1.
14. *Палаас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1770. Ч. 2. Кн. 2.
15. *Палаас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1772. Ч. 3. Поговина 1.
16. *Мартос А.* Письма о Восточной Сибири. М., 1827.
17. *Геденштром М.* Очерки о Сибири. СПб., 1880.
18. *Бологов Ф.Ф.* Декабристы о семейных // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск: Наука, 1985.
19. *Шецова М.* «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСОРО Омск, 1898. Кн. 26. С. 3-6; *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест

- урадо-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974. С. 289-296.
20. *Бологов Ф.Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XIX вв. Новосибирск, 1994.
21. *ИГДА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 209. Лл. 206-207.*
22. *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урадо-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974.
23. *Миненко Н.А.* Ссылные крестьяне-«поляки» на Алтае в XVIII-первой половине XIX в. // Политические ссылки в Сибири (XVIII-нач. XX в.). Новосибирск: Наука, 1983.
24. *Шецова М.* «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСОРО. Омск, 1898. Кн. 26.
25. *Баренс Г.* О состоянии новых поселений в Южной Сибири и о тамошнем предводстве // Сибирский вестник. 1820. Ч. 10.
26. *Алексеев Н.В.* Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVIII-XIX вв. Новосибирск, 1965.
27. *Видищев Н.М.* Раскольниковы общины на границе Китая // Сиб. сб., 1886. Кн. 1.
28. *Тедбур К.Ф.* *Бунге А.А.* *Медер К.А.* Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизии степи. Новосибирск: ВО «Наука», 1993.
29. *Курилов Н.В.* Полудомашенные наборы в Верхнеудинском округе // Изв. ВСОРО. 1880. Т. 20. № 4.
30. *Глуховцев В.В.* Семейские (из личных наблюдений бичурца) // Восточное обозрение. 1901. № 17.
31. *Паршин Н.В.* От Верхнеудинска до Урлука // Иркутские губ. ведомости. 1867. № 29.
32. *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984.
33. *Озокин Г.М.* На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб., 1906.
34. *Мишта (Орфанов М.Н.)* В дали (Из прошлого) Рассказы о вольной и невольной жизни. М., 1883.
35. *Гудяев С.* Алтайские камни // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 30.
36. *Грузев М.* Из прошлого Забайкалья. (К истории нашей миссионерской деятельности на окраинах) // Русская старина. СПб., 1901. Т. 106.
37. *Дедов В.Л.* Панаорама Сибири (Путевые заметки). СПб., 1900. (Этот редкий материал приводится впервые, поэтому привожу его почти полностью. — Ф.Б.).
38. *Залкинд Е.М.* Иностранные путешественники о Бурятии. Труды БИОН БФ АН СССР, вып. 20. Улан-Удэ, 1973.
39. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань. М., 1948.
40. *Соболев М.Н.* Русский Алтай. (Из путешествия на Алтай в 1895 г.) // Землеведение. 1896. Кн. 3.
41. *Маслова Г.С.* Русская народная одежда Забайкалья (XIX-XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск: Наука, 1975.
42. *Божикова Е.З.* *Гришкова Н.П.* Бухтарминские старообрядцы. Л.: АН СССР, 1930.
43. *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX-нач. XX вв.). Новосибирск, 1997.

44. *Дудеев М.И.* Новые материалы для истории раскола на Бетке и Стародубе. XVII-XVIII вв. Киев, 1893.
45. *Маслова Г.С.* Русская народная одежда... С. 66; *Болонев Ф.Ф.* Формирование старообрядцев Забайкалья в XVIII в. и о северных традициях в их культуре // *Алтай России*. Вып. 1. Большой Камень: Омега, 1997.
46. *Ушаков Н.* Быт семейских (Этнографический очерк) // Иркутские губ. ведомости. 1864. № 39.
47. *Ушаков Н.* Быт семейских // Иркутские губ. ведомости. 1864. № 48.
- Ядринцев Н.* (Псевдоним Сибиряк). Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // Литературный сб. Изд. редакции «Восточного обозрения». Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб., 1885.
49. *Потанин Г.Н.* От Кош-Агача до Байкала // Древняя и новая Россия, 1879. № 6.
50. *Охрименко Г.И.* Народное искусство семейских Забайкалья XIX-XX веков. Резьба и роспись. Улан-Удэ, 1972.
51. *Серебрянников И.И.* Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия (статистический очерк). Известия ВООРО. Иркутск, 1914. Т. 43; *Болонев Ф.Ф.* Семейские. Улан-Удэ, 1992.
52. *Болонев Ф.Ф.* О гонимом русском населении Забайкалья // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. *Цыдыпова Р.М.* К вопросу о гонимом в Западном Забайкалье // *Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур*. Тез. Межд. науч. конф. Т. II. Археология, этнография. Новосибирск: изд. ИАЭТ СО РАН, 1995. См. также работы: *Маслова Г.С.* Гонимое русское население Восточной Сибири // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1962. С. 12-25; *Липицкая В.А.* Гонимое русское население Алтайского края // *Полные исследования Института этнографии*. 1978. М., 1980. С. 38-46; *Кипрева С.М., Кучуганова Р.П.* Лепные сосуды русского населения Горного Алтая // *Этнография Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул. Изд-во Барнаульского педагогического университета, 1998. С. 220-222.
53. *Новоселов А.У.* Старообрядцев Алтай // Веловоды. Иркутск, 1981.
54. *Добинин В.Ф.* Старообрядческие общины Забайкалья и самодержавие в первой половине XIX в. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1983.
55. *Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.
56. *Герасимов В.В.* В долине Бухтармы. (Краткий историко-этнографический очерк) // Записки Семипалатинского подотдела ЗООРО. Семипалатинск, 1911. Вып. 5.
57. *Болонев Ф.Ф.* Церковь в народной жизни старообрядцев Забайкалья // Мировые религии в истории народов Сибири. Новосибирск, 1999 (В печати).
58. *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. Новосибирск, 1994.
59. *Покровский Н.Н.* Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М.: Наука, 1973.
60. ГАО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 10. 11, 12.
61. *Будыкин Ю.С.* Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алтайское кн. изд., 1974.
62. *Громишко М.М.* Западный Сибирь в XVIII в. Русское население и земельное освоение. Новосибирск, 1965. С. 123; *Алексеев Н.В.* Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVIII-XIX вв. // Экономика, управление и культура Сибири XVI-XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 147-153; *Миненко Н.А.* Сильные крестьяне-«полюки» на Алтае в XVIII-первой половине XIX в. // Политические сословия в Сибири (XVIII-нач. XX в.). Новосибирск: Наука, 1983. С. 198-214.
63. *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест уральско-сибирских старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974. С. 312-337; *Омже К.* К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «полюков» // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1975. № 6. Серия об-ществ. наук. Вып. 3. С. 109-112.
64. *Анодолова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI-первой пол. XIX в. М.: Наука, 1976. С. 148-151; *Мажуик Т.С.* Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск: Наука, 1987; *Мажуик Т.С.* Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск: Наука, 1989.
65. *Липицкая В.А.* Русское население Алтайского края: народные традиции в материальной культуре XVIII-XX вв. М., 1987; *Омже К.* Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII-нач. XX в. М.: Наука, 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

Старообрядцы — старожилы Алтая и Забайкалья: общее и особенное в их традиционной культуре	3
Новые материалы о старообрядцах Алтая (60-е гг. XVIII в.)	35
Из старообрядческой книги «Цветник». Наставления и запреты	41
Приложения	43

Научное издание

Болонев Фирс Федосович

**Старообрядцы Алтая и Забайкалья:
опыт сравнительной характеристики**

Редактор Дементьева Л.С.

Изд. лиц. ЛР №021352 от 14.07.1999.

Подписано в печать 21.05.2000.

Формат 60×90/16. Печать офсетная.

Гарнитура Школьная. Усл. печ. л. 3,5.

Тираж 900 экз.

Отпечатано в типографии Барнаульского юридического
института МВД РФ. Адрес: 656099 г. Барнаул, ул. Чапаева, 49.

